

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

КАК ХОЛОДНО
В ЗЕМЛЕ

Мереди́т Митче́лл и Ала́н Маркби́

Э́нн Грэ́нджер

Как холо́дно в земле́

«Центрполиграф»

1992

Грэнджер Э.

Как холодно в земле / Э. Грэнджер — «Центрполиграф»,
1992 — (Мерedit Митчелл и Алан Маркби)

Мерedit Митчелл очень хотелось провести пасхальные каникулы подальше от суетного Лондона и скучной работы в министерстве. Предложение ее друга, старшего инспектора Маркби, погостить в Бамфорде в доме его сестры во время ее отсутствия пришлось как нельзя кстати. Но безоблачного отдыха в провинциальном городке не получилось. В одном из старых заброшенных домов обнаружено тело молодой девушки, погибшей от передозировки наркотиков, а на строительной площадке, в траншее, экскаваторщик откопал обнаженный труп неизвестного мужчины с разбитой головой. Забыв об отдыхе и личных проблемах, Мерedit с головой уходит в расследование запутанного дела...

© Грэнджер Э., 1992

© Центрполиграф, 1992

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Энн Грэнджер

Как холодно в земле

Так уж получается, что писателям требуется постоянное одобрение и терпимость со стороны окружающих. Я (и вместе со мной Алан Маркби и Мередит Митчелл) хотела бы поблагодарить в первую очередь Джона, Джудит и Энн – за их неоценимую помощь.

*Как холодно в земле! Пятнадцать зим,
Спустившись с бурых гор, растаяли весной...
Эмили Бронте*

Глава 1

В пыльное стекло колотилась залетевшая с улицы муха. Окно было приоткрыто, в щель вверху проникал теплый городской воздух и гул движущегося по Уайтхоллу автомобильного потока, но муха никак не могла сообразить, как ей выбраться наружу. Она снова и снова, со все возрастающим отчаянием, врезалась в прозрачную преграду, вставшую между ней и свободой.

– В точности как я! – забывшись, вслух изумилась Мередит Митчелл.

– Вы что-то сказали, мисс Митчелл?

Начальник отдела кадров с подозрением посмотрел на нее. Он не любил иметь дело с женщинами. Это было написано у него на лице. Начальник отдела кадров был толстым, розовощеким, напыщенным коротышкой. Как только Мередит переступила порог его кабинета, она сразу поняла, что взаимопонимания с ним не добиться. Это был случай сильнейшей взаимной неприязни с первого взгляда.

– Я имела в виду, к вам, наверное, часто приходят сотрудники с такой же просьбой, как у меня, которые работают в Лондоне, но хотят получить назначение в другую страну?

– Чаще, чем вы можете себе представить, мисс Митчелл.

«Высокомерный болван», – подумала Мередит.

– Но вакансии появляются все реже и реже. Сокращения, кругом сокращения!

– Я понимаю, но ведь министерство должно быть заинтересовано в том, чтобы получать от меня больше отдачи? Сидя здесь, я в буквальном смысле ничего не делаю!

– Я бы так не сказал, мисс Митчелл. – Высокомерный болван заглянул в лежащую перед ним папку. – Ваш начальник полностью удовлетворен вашей работой. Естественно, я прекрасно понимаю, что, занимая должность британского консула за границей, вы были, если можно так выразиться, сами себе командир...

Мередит скорчила гримасу.

– ...поэтому, без сомнения, бумажная работа в Лондоне кажется вам несколько скучной.

«Ты даже не представляешь, насколько ты прав! – подумала она, угрюмо разглядывая его галстук в красную горошину. – И кто, интересно, подарил ему эту мерзкую тряпку? Жена? Богатенькая тетя Флора? Или он сам ее купил?»

Оторвав взгляд от веселеньких кружочков, она успела заметить отблеск злорадного удовлетворения, промелькнувший в его маленьких глазках. Она отлично понимала, что это значит. Здесь она находилась всецело в его власти. Этот бюрократ всю жизнь только тем и занимался, что протирали штаны по кабинетам, у него ее стремление к независимости и сложной работе вызывало одновременно презрение и зависть. Мередит вдруг пришло в голову, что она в принципе может себе представить, при каких обстоятельствах нормальный во всех отношениях человек может совершить убийство.

– Итак, – оживился начальник отдела кадров, складывая домиком свои пухлые ладошки, – теперь позвольте мне узнать, имеется ли у вас какая-либо особая причина для того, чтобы просить назначения именно сейчас, так сказать, в данный момент времени? Может быть, вы испытываете трудности с жильем?

– Нет, – неохотно признала Мередит. – Один мой коллега сейчас за границей, он разрешил мне пожить в его квартире в Ислингтоне. А до этого я снимала коттедж за городом, но оттуда было очень тяжело ездить каждый день на работу.

– Значит, с жильем проблем нет. Вам очень повезло, мисс Митчелл.

«Оставь свои суждения при себе!» – мысленно огрызнулась Мередит.

– Проблемы личного характера? – Он бросил на нее настороженный взгляд, в котором читалось, что женщины, по его мнению, и проблемы личного характера так же неразделимы, как подпись и печать на официальном документе.

– Нет! – отрезала она.

– В таком случае, мисс Митчелл, я не вижу, почему именно вам мы должны отдать предпочтение. Но не принимайте это близко к сердцу. Мы получили прекрасные отзывы о вашей деятельности на предыдущем посту. Работа здесь, возможно, не столь интересна – зато столь же необходима! Кто терпит и ждет – тоже службу несет!

Для Мередит это стало последней каплей. Она поднялась со стула. И поскольку была довольно высокой, угрожающе нависла над утонувшим в кресле карликом, который сразу нервно заерзал.

– Может, вы и рады прохлаждаться за этим столом до самой пенсии! А я хочу выбраться отсюда и сделать что-нибудь полезное, пока меня не сдали в утиль!

Щеки начальника отдела кадров из розовых стали бурыми.

– Едва ли нам стоит продолжать этот разговор! – задыхаясь от возмущения, воскликнул он и раздраженным жестом захлопнул папку с ее личным делом.

Мередит понимала, что он не просто захлопнул папку – он уничтожил ее надежду на перспективу в работе, и винить в этом должна только себя. Ну и к черту все.

– Я тоже так считаю! – заявила она, развернулась и вышла из кабинета.

Вспоминая эту стычку по дороге домой, Мередит, намертво зажатая среди людских тел в переполненном, душном вагоне подземки, испытывала лишь злость и отчаяние. Но злилась она уже не на твердокаменного бюрократа, не пустившего ее за границу, а на саму себя. Она выбрала наихудшую из всех возможных линий поведения, – она, всегда умевшая изящно и тактично разрешить самую сложную ситуацию! «Вот это я напортачила! – мрачно думала она. – Вот это я села в лужу! Теперь мне и через сто лет не добиться назначения. Всю оставшуюся жизнь мне суждено дважды в день спускаться в это чертово метро».

Сосед справа наступил ей на ногу, сосед слева больно ткнул локтем в бок. Господи, выбраться бы из этой ежедневной преисподней. Оказаться бы сейчас где-нибудь подальше – все равно где. Она даже пожалела, что отказалась от аренды коттеджа, несмотря на то что добираться оттуда в Лондон было жутко неудобно. Если уж нельзя уехать за границу, так неплохо было бы развеяться и провести несколько дней за городом. Сама не заметив как, она начала думать об Алане. Хорошо ему в Бамфорде, прелестном маленьком городке, в окружении сельской тишины и покоя, где он занимается настоящим делом, которое никак нельзя назвать однообразным и скучным. К тому же скоро Пасха. Весна за городом! Новая жизнь, зарождающаяся в холодной земле! «Быть в Англии теперь, когда апрель...»¹

¹ Цитата из стихотворения Роберта Браунинга «Мысли о доме из-за границы». (Здесь и далее примеч. пер.)

Вокруг стоял характерный запах, несмотря на то что кто-то – Алан Маркби заметил это еще на подходе к дому – открыл окна на втором этаже. «Наверное, какой-нибудь молодой констебль, еще не привыкший спокойно переносить соседство со смертью и сопутствующими ей признаками, – думал он, поднимаясь по голой скрипящей лестнице и стараясь не дотрагиваться до перил, чтобы не оставлять лишних отпечатков пальцев. Он также следил за тем, чтобы не касаться стен, но не только потому, что не хотел усложнять работу криминалистам, – просто они были все черные и липкие от грязи.

Он прибыл на место преступления последним – ему позвонили, когда он был на другом конце участка. Скорее всего, все необходимое уже было сделано, и тело отнесут в ожидающую снаружи машину скорой помощи сразу после того, как он его осмотрит. На противоположной стороне улицы собралась небольшая толпа зевак. Маркби знал, кто-то из этих любопытствующих – настоящий некрофил. Всегда хоть один да найдется. Такие типы обычно останавливают полицейских и расспрашивают их о самых отталкивающих подробностях. Иногда они выдают себя за журналистов.

Дичь. Вот на что это было похоже больше всего. Тетерев или фазан, подвешенный в сарае для того, чтобы кровь вытекла, а мясо достигло нужной кондиции. Здесь же запах созревшей убоины смешивался с запахами пыли, сырости, плесени, ветхости – этот дом, как и несколько других зданий по этой улице, соединенных общими стенами, предназначался под снос. На их месте власти собирались построить несколько многоквартирных малоэтажек. Однако в соседнем доме еще кто-то жил. Это хорошо. Возможно, жильцу есть что сказать полиции. Дом, в котором был найден труп, считался уже пустующим, дверь и окна на первом этаже были заколочены досками. Но сквоттеры нашли способ пробраться внутрь.

Маркби услышал гул голосов, доносящийся из-за закрытой двери на втором этаже. Преодолев последние ступеньки, он вошел в комнату. Все обернулись.

– Сэр, наконец-то вы приехали! – с явным облегчением воскликнул сержант Пирс. Ему тоже не терпелось поскорее убраться отсюда. В комнате запах смерти чувствовался значительно сильнее. Парнишка-констебль вытирал пот с позеленевшего лица и жался поближе к двери. Было жарко и душно, и это ускорило разложение лежащего на кровати тела.

– Простите за опоздание! – сказал Маркби. Извинение не было формальным – видно было, как все измучились, дожидаясь его.

– Доктор Фуллер уже уехал, сэр. Он сказал, что у него назначена встреча и он не может ждать.

– Ничего страшного. Уверен, что он позвонит, как только освободится.

– Ребята уже отщелкали свои пленки, – продолжал Пирс, указывая на двух полицейских фотографов, угрюмо подпирающих стену. – Может быть, им уже?..

– Что? Ах да, конечно. Вы можете быть свободны. В принципе вам совсем не обязательно было меня ждать.

Фотографы сорвались с места и столкнулись в дверях, загремев аппаратурой. Кое-как расцепившись, они бегом спустились по лестнице. Констебль с зеленым лицом проводил их завистливым взглядом.

– Ну что ж, давайте посмотрим, – сказал Маркби без особого энтузиазма в голосе.

Не говоря ни слова, Пирс отвернул простыню, которой было накрыто тело.

Маркби сказал:

– Она, наверное, была хорошенькой – до того, как...

На взгляд ей не могло быть больше двадцати одного–двадцати двух лет. Ее глаза, широко раскрытые, неподвижные, имели мутный лиловый оттенок. На ней была грязная футболка и небрежно обрезанные у колен джинсы. Футболка была задрана – скорее всего, доктором Фуллером во время осмотра, – так что открылся провалившийся живот. Ее левая рука лежала

ладонью вверх, вся в красных точках и фиолетовых синяках, постепенно скрывающихся под узором трупных пятен.

– Кто ее нашел?

– Жилец соседнего дома. – Пирс показал на стену, отделяющую этот дом от следующего. – Он боялся пожара и поэтому иногда проверял, как тут и что. Он решил, что сквоттеры убрались отсюда, и пришел поглядеть, много ли они тут насвинячили. Ах да, мы нашли шприц – он лежал вот здесь, на полу возле кровати. – Пирс продемонстрировал пластиковый пакет со зловещей уликой.

«Мерзкое жало», – подумал Маркби. Вслух же он спросил:

– Доктор Фуллер не рискнул предположить, когда она умерла?

– Он сказал, примерно два-три дня назад, судя по внешнему виду тела.

– А остатков той дряни, что она себе вколола, не нашли?

– Нет. По словам соседа, здесь жила целая компания, но в последнюю пару дней в доме было очень тихо, и он подумал, что они ушли. Похоже, когда ее приятели увидели, что она умерла, они испугались и сбежали.

– Нам повезет, если мы их найдем, – проворчал Маркби. – Если только сосед не знал кого-нибудь из них по имени. Но навряд ли.

– Как ни странно, он был знаком с ней. – Пирс показал на тело. – Когда я сюда приехал, он мне сказал, что это Линдси Херст. За последние несколько недель он не раз видел, как Линдси входила в этот дом и выходила из него. Это его удивляло, потому что она местная и из хорошей семьи. Он и представить себе не мог, что она закончит тем, что станет жить здесь, как бродяжка. Он так и сказал. Примерно то же написано и в его заявлении.

– Не в первый раз такое происходит! А он, случайно, не знает, где живет ее семья?

– Точно не знает, но сказал, что где-то на Китченер-Клоуз. По его словам, бродяг здесь собиралось то много, то поменьше. Он жаловался в полицию и городскую управу, но никто ничего не предпринял. Сами знаете, как трудно выгнать сквоттеров. Я подозреваю, власти просто решили оставить это дело до осени, когда начнется снос зданий.

– Кто-то должен отправиться на Китченер-Клоуз и сообщить ее родителям, – проворчал Маркби. – Я сам этим займусь, раз уж вам пришлось так долго меня дожидаться. Мой черед выполнять грязную работенку. Вы как, нормально?

– Привык, – скривившись, ответил Пирс.

Маркби взглянул на констебля.

– Хотите выйти наружу?

– Да, сэр!

– Тогда идите. Скажите санитарам, чтобы они поднялись и забрали ее.

Констебль ушел, и Маркби еще раз оглядел комнату. Из предметов мебели только кровать была целой, но и она выглядела так, будто ее приволокли со свалки. На полу стояла ржавая переносная плитка. Наверное, сквоттеры забыли ее при поспешном бегстве из дома. В углу высилась куча мусора: бутылки, коробки, бумага, пустые жестянки, еще один шприц... придется ее всю разгрести. Однако сосед не зря боялся пожара.

Маркби вспомнил о том, что Китченер-Клоуз, на которой жили родители мертвой девушки, застроена в основном респектабельными домами на две семьи, и подумал вслух:

– Как она докатилась до такого? Порвала отношения с родителями? Или уже слишком далеко зашла?

– Перед вашим прибытием, сэр, я проверил ее по базе данных. Она была зарегистрированной наркоманкой и принимала вещества-заменители, но, очевидно, где-то доставала и настоящие наркотики. Доктор Фуллер сказал, что, судя по всему, она вколола себе изрядную дозу. Если вон те винные бутылки означают, что они тут пили, то шансов у нее было немного. – Пирс задумчиво потер щеку. – Скажите, сэр, вас не удивляет, что они, будучи наркоманами,

задержались в такой тихой дыре, как наш Бамфорд, а не двинулись куда-нибудь в большой город, где наркотики достать гораздо проще?

– У нас тут не дыра. Глушь – может быть. Но не дыра, – поджав губы, произнес Маркби. Он любил Бамфорд. – И это меня не удивляет. В этом городе меня уже ничто не удивляет.

Пирс попытался найти в происходящем положительные стороны:

– Неприятное дело, зато не требует масштабного расследования. Полагаю, коронерское жюри вынесет открытое решение. Когда поступил вызов, я подумал, что, возможно, у нас на руках убийство. – Пирс отмахнулся от пролетающей мухи. Их становилось все больше, воздух наполнялся зловещим жужжанием.

– А разве нет? – холодно спросил Маркби. – Может быть, коронер и решит, что это не убийство, но я считаю, что тот, кто продал ей наркотики, убил ее. И мы должны найти мерзавца, пока не погиб еще кто-нибудь.

– Доедай, Джесс! Тем, что у тебя в тарелке, и воробья не накормишь!

– Я не голодная, мам. Я уже наелась, правда.

– Чепуха! Вот тебе еще картошина. – Миссис Уинтроп решительно взмахнула кухонной лопаткой и положила добавку на тарелку дочери. – От хорошей еды еще никто не умирал!

Джессику Уинтроп передернуло. Она посмотрела на крупную, блестящую, истекающую маслом картофелину и с отвращением сглотнула. Рядом ее брат Алвин деловито расправлялся с порцией раза в четыре больше, чем у нее. Алвин был крупным мужчиной и целый день работал на воздухе. Неудивительно, что он ел как лошадь. Джессика уныло уставилась на ненавистный клубень, как будто под ее взглядом он мог сам собой испариться с тарелки. Алвин вытер хлебом остатки подливы и украдкой подмигнул ей. Он сочувствовал ее страданиям.

– Элси, как думаешь, из этого чайника можно нацедить еще чашку чаю? – поинтересовался Джордж Уинтроп. Он сидел во главе стола в старинном дубовом кресле, но остальным была видна только его лысина и короткие толстые пальцы, вцепившиеся в обложку раскрытого «Фермерского еженедельника».

Джессика подумала, что ее отец, который никогда не брал в руки книг, всегда держал этот журнал «за грудки», будто боялся, что он сейчас от него убежит. Среди Уинтропов Джессика была единственной белой вороной – она любила читать. Раньше ее родители терпимо относились к этой ее странности – до тех пор, пока все у нее не пошло вкривь и вкось.

Миссис Уинтроп приподняла крышку большого керамического чайника и, заглянув в него, застыла в задумчивости, словно гаруспик, гадающий по внутренностям жертвы.

– Пожалуй, добавлю кипятка, – решила она наконец, поднялась с места и направилась к плите.

Как только миссис Уинтроп отвернулась, Алвин подхватил с тарелки сестры картофелину и в мгновение ока проглотил ее. Джессика наградила его благодарной улыбкой.

– Ну вот! – Вернувшись с долитым чайником к столу, миссис Уинтроп одобрительно кивнула на пустую тарелку дочери. – Съела же все-таки! Не так уж это было трудно, да, Джессика?

– Да, мама.

– Девочка моя, если ты не будешь есть как следует, то снова заболеешь.

Джессика ничего не ответила. Она уже отчаялась объяснить им, что у нее был нервный срыв. Они просто не понимали, что это такое. Согласно их нерушимым убеждениям, человек может заболеть только оттого, что плохо ест или не одевается как следует в плохую погоду. Если же недомогание налицо, то нужно напихать в больного побольше еды и вымазать ему грудь «виком» – и все пройдет. Когда Джессика была маленькой, ее повсюду сопровождала едкая вонь этой мази. Только брат мог бы ее понять, но ей не хотелось взваливать на Алвина свои беды. У него и без нее проблем хватает. Он никогда не говорил о них, но она чувствовала.

– Читать надо меньше! – объявил ее отец, откладывая в сторону журнал и снимая очки (дедовы, но еще послужат; незачем тратить деньги на новые). Он взялся за кружку. – Вот в чем твоя беда, Джесс, с самого детства. Ты слишком мало гуляла и всегда сидела носом в книгу. А десерта у нас сегодня что, не будет?

– И куда ты все время так несешься, Джордж Уинтроп? Я приготовила яблочный пирог. А ты, Джессика, даже не смей говорить, что больше не можешь съесть ни крошки!

– Хорошо, мама. Может быть, мне его подать? – Если ей доверят разрезать пирог, она сможет схитрить и взять себе самый маленький кусок. Если повезет, мать не обратит внимания.

– Ладно. И принеси кувшинчик со сливками. Он на буфете.

Джессика встала и прошла в другой конец кухни. Тут ей был знаком каждый уголок, каждая трещина. Все в этой цитадели домашнего уюта, от списков продуктов, наколотых на гвоздь возле буфета, до висящих на стене медных сковород, несло на себе отпечаток ее детских воспоминаний и являлось частью ее теперешней личности. Но воспоминания не приносили радости. Джессика часто корила себя за почти полное отсутствие привязанности к родному дому. Здесь ее любили, здесь ей всегда было тепло и уютно. Жизнь на ферме должна была быть покойной и счастливой, но почему-то никогда такой не была. Она с таким облегчением уехала отсюда в университет. Но все закончилось тем, что она вернулась. Иногда у нее возникало ощущение, что она связана с фермой резиновым жгутом. Как только она отбегала от нее на некоторое расстояние, жгут тянул ее назад.

С недавнего времени дела пошли еще хуже. После болезни мысль о том, чтобы покинуть ферму, начала пугать ее. Она оказалась между Сциллой и Харибдой противоречивых эмоций. Мелкие проблемы внешнего мира выросли в ее сознании до непреодолимых препятствий, не позволяющих ей даже попытаться начать другую жизнь. Чем дольше она здесь оставалась, тем хуже ей становилось. А уехать она не могла.

Она ничего не могла объяснить родителям. Их жизнь вращалась исключительно вокруг Серой фермы, ее безукоризненным функционированием определялось каждое их действие. Они не нуждались во внешнем мире и ничего не знали о нем. Он их не интересовал. Алвин понял бы ее, но они никогда не разговаривали об этом.

Только Джейми удалось обосноваться и даже достичь успеха во внешнем мире. Но его никогда не заботили вопросы совести или гуманности. Джессика часто жалела, что не унаследовала ни йоты знаменитой жесткости Уинтропов. Зато Джейми, похоже, досталась двойная доля.

Джессика надела толстые рукавицы и вытащила из зева печи большой, пышущий жаром яблочный пирог. Не успела она выпрямиться, как в соседней комнате зазвонил телефон.

– Я подойду! – откликнулся Алвин, поднимаясь со стула. Он быстро прошел мимо Джессики и вышел в дверь, сделанную еще в те времена, когда люди были заметно ниже. Алвину всегда приходилось сильно пригибаться, чтобы не удариться головой о притолоку.

Опустив пирог на мраморную доску, Джессика принялась резать его и раскладывать по белым с голубым узором тарелкам. Ну, не совсем белым – скорее желтоватым, с потрескавшейся от времени эмалью и отбитыми краями. Они уже долгое время почти ничего не покупали. «А что с ними не так? – удивилась миссис Уинтроп, когда Джессика решила намереваться, что в целях гигиены... – Если их мыть как следует, то они ничуть не хуже новых!» Да и по правде говоря, у них не было денег ни на новые тарелки, ни на что-либо еще.

Джессика находилась ближе всех к открытой двери и слышала все, что говорил Алвин. Очевидно, звонили ему, и она не собиралась подслушивать, но ее внимание привлекли странные, почти вороватые нотки в его голосе.

– Я же просил вас не звонить мне! – хрипло шептал он. – Да, я знаю... Мне пока не представилось случая... И все равно последнее слово не за мной! – На последней фразе шепот Алвина перешел в приглушенный возглас. Повисла долгая пауза, затем он раздраженно бросил:

– Я же вам уже говорил – если получится! – и швырнул трубку на рычажок. Когда он вновь появился в кухне, его лицо было налито краской, как раз в тон его рыжим волосам.

– Кто это был? – спросила его мать.

– Владелец «Лиса и гончих». Он хотел знать, смогу ли я в следующую среду выступить за их команду. Где-то неделю назад я сказал ему, что завязываю с дротиками, но он, похоже, не понял.

Джессика ставила тарелки с пирогом на стол. «Алвин никогда не умел врать», – подумала она. Их взгляды встретились. Алвин нахмурился и подпер кулаком подбородок.

Джессика понимала, что личные дела брата ее не касаются, и не заговорила бы об этом телефонном звонке, если бы позже им не выдалась возможность побеседовать наедине. Она помогла матери убрать со стола и вымыть посуду, а затем ей велели отправляться «подышать свежим воздухом». «Только не вздумай брать с собой книгу и забиваться с ней в какой-нибудь угол», – предупредила ее мать. Поэтому она сняла с гвоздя седло и уздечку и пошла в загон ловить Нельсона.

Здесь она неожиданно наткнулась на брата. Он сидел на полуразрушенной низкой стене, одной из тех развалин, которые остались со старых времен. Вокруг них когда-то давно соорудили загон. У его ног, высунув длинный розовый язык и ожидая команды хозяина, лежал пес Виски. Загорелые руки Алвина лежали на коленях, сильные пальцы были свободно сцеплены, козырек его твидовой кепки отбрасывал тень на лицо. Он крепко о чем-то задумался.

Джессика положила сбрую на землю и тоже присела на стену. Нельсон пасся совсем рядом, но теперь он то и дело косил глазом, потому что заметил седло.

– Этот пони слишком толстый, – сказал Алвин. – Скоро он наест себе такое брюхо, что подруги не затянешь.

– Я каждый день на нем выезжаю.

– Жрет как не в себя. Никчемное, бесполезное, ленивое животное – вот он кто.

– Алвин, перестань! Ты это говоришь, только чтобы меня позлить! – Он улыбнулся, и она, чтобы отплатить ему, продолжила: – Кстати, а с кем это ты шептался по телефону? Только не говори, что это был хозяин «Лиса и гончих».

Его улыбка погасла, он нахмурился.

– Нет, это был Дадли Ньюман.

Настал ее черед хмуриться.

– Строитель? – с удивлением уточнила она. – Что ему было нужно?

– То же, что и тогда, когда он заявился сюда собственной персоной.

– Он хочет купить нашу землю? – Она отбросила назад свои длинные светлые волосы. –

Но ведь папа уже сказал ему, что Серая ферма не продается!

Алвин проворчал что-то невразумительное.

– Так почему он тебе звонил? – настаивала она.

– А я будто знаю!

– Алвин! Я должна знать! Ты что-то замышляешь? Ньюман тебя на что-то подговорил?

– Нет! – отрезал он. – Я что, похож на идиота? К тому же окончательное решение все равно не за мной. Но я действительно сказал, что меня может заинтересовать его предложение – если папа передумает и если нас устроит цена. – Он замолк, словно бы ошеломленный собственной прямоотой. – Да ладно, Джесс, ты же тоже этого хочешь! Подумай только, ты получишь свою долю, и мы оба сможем уехать отсюда! – Он впервые делился с Джессикой своими самыми потаенными мыслями о продаже фермы.

– Но они никуда не поедут! – сказала она.

– Да, – вздохнул он. – Они никуда не поедут.

– И если ты за папиной спиной ведешь переговоры с Дадли Ньюманом, он скоро это поймет. Обманщик из тебя никудышный. До Джейми тебе в этом далеко.

Он резко повернулся к ней.

– Почему ты о нем вспомнила?

– Но ведь недавно от него пришло письмо, разве нет? Оно было адресовано папе и маме. Оно лежало на столе в кухне, но мама быстро его убрала, чтобы я не увидела.

– Видно, не так уж и быстро! – сурово заметил Алвин.

– Он едет домой?

– Письмо было не на мое имя, – деревянным голосом произнес ее брат.

Некоторое время они сидели молча. Солнце согревало им спины. Пес уткнулся носом в лапы и уснул, а Нельсон, несказанно довольный тем, что его пока никто не собирается ловить и запрягать, перешел в дальний угол загона, где трава была погуще.

– Чудное тут место! – вдруг сказал Алвин, хлопнув ладонью по разрушенной стене, на которой они сидели. – Могу спорить, оно могло бы многое нам порассказать.

– От этих руин у меня мурашки по коже, – поежившись, произнесла Джессика.

– Ага! Сейчас из этих булыжников призраки как выпрыгнут! Привидения как выскочат! – поддразнил он.

– Меня бы это не удивило. Ведь когда-то здесь произошло преступление.

– Что ты имеешь в виду? – Сощурившись, он посмотрел на нее из-под козырька кепки.

– Поджог молитвенного дома. А это его развалины.

– Господи боже, сестра, вот ты о чем! Нашла о чем вспомнить! – с досадой сказал Алвин. – Это не было преступлением. Скорее несчастным случаем.

– Поджог – это преступление.

– Да кто сказал, что это был поджог? Это произошло больше ста лет назад и давно быльем поросло. Сейчас уже никто не скажет, что там на самом деле было.

– Это плохое место, – тихо сказала Джессика. – Я чувствую, как несчастье просачивается сквозь эти камни.

– Ерунда! Не выдумывай!

– Вокруг нас много зла. – Джессика рассеянно посмотрела вдаль, где на горизонте был виден шпиль бамфордской церкви.

– Да что ты такое говоришь-то? Слушай, сестренка, если ты такое выскажешь при матери, она опять отправит тебя к доктору Принглу.

– Я прочитала про Линдси в «Газетт».

– А, это! Я и не знал, что ты была с ней знакома. – В голосе Алвина смешались раздражение и замешательство. – Иначе я бы спрятал газету до того, как ты ее увидела.

– Алвин, когда ты перестанешь меня опекать? – в отчаянии воскликнула Джессика. Он не ответил, и она сухо добавила: – Мы вместе пели в хоре, давным-давно. Она была такой веселой, общительной девочкой. А теперь она умерла, и такой ужасной смертью!

– Прекрати думать об этом! – сердито отозвался Алвин. – Эта идиотка сама виновата. Нечего было колоться всякой дрянью. Нечего из-за нее расстраиваться. – Он встал, пес тут же проснулся и завилял пушистым хвостом. Даже Нельсон, казалось, понял, что покойное время закончилось. Он задрал голову вверх и пронзительно заржал.

– Меня ждет работа, – сказал Алвин. – Не прыгай на этом пони через изгороди. Он такой тяжелый, что вряд ли способен преодолевать такие препятствия. Уронит плетень, а мне опять поднимай.

– Я никогда ничего такого не делала, и ты прекрасно об этом знаешь! – Она забросила седло на плечо и направилась в дальний угол загона.

– Призраки, зло! – пробормотал Алвин и пнул черную, постепенно зарастающую травой стену. – И это тоже ферма, как и мы с тобой, дружище! – Пес насторожил уши, посмотрел на него внимательным умным взглядом. – Как и мы с тобой... – угрюмо повторил Алвин. – Да я

бы сам мог просветить эти булыжники насчет несчастья! Дайте мне коробок спичек, и я спалю эту чертову ферму к чертям собачьим!

Глава 2

– Скоро вокруг вообще ничего не останется, кроме асфальта, бетона и кирпича, – мрачно высказался Алан Маркби. – Страна будет застроена от побережья до побережья.

Ветер взъерошил его прямые светлые волосы. Глядя на открывающийся его взору пейзаж, Маркби криво улыбнулся, покачал головой и со вздохом засунул руки в карманы своей выдавшей виды темно-зеленой куртки. Затем он сел на поваленное дерево и достал шоколадный батончик. Он не очень любил сладости, но на то, чтобы сделать бутерброд, его сегодня не хватило. Поэтому он просто сунул в карман шоколадку и отправился на прогулку.

Он чувствовал, что ему необходимо побыть некоторое время подальше от кабинета и полицейского участка. Как и предсказывал Пирс, по делу Линдси Херст был вынесен открытый вердикт. Маркби ничего другого и не ожидал. Им пока не удалось выйти на приятелей погибшей девушки, живших вместе с ней в пустующем доме. И поскольку о них ничего не было известно, можно с уверенностью сказать, что найти их практически невозможно. Гораздо важнее выяснить, где Линдси взяла смертельную дозу наркотиков. Ее убил героин, а с этим наркотиком бамфордской полиции до недавнего времени почти не приходилось сталкиваться. И снова Пирс оказался прав. С коноплей местная полиция имела дело часто, но появление в городке более серьезных наркотиков стало для нее настоящей головной болью.

Он упорно работал над делом все выходные, тщательно прорабатывая каждую зацепку и стараясь при этом создать побольше шума. Он знал по опыту, чем сильнее шумишь, тем вероятнее, что где-нибудь проснется эхо. Но не в этот раз. Расспросы в пабах и на дискотеках, где бывала погибшая девушка, ни к чему не привели. Даже если бы они и прищучили продавца, то мало чего этим добились бы, потому что надо было отыскать воротил, заправляющих этим отвратительным бизнесом. В действительности им не хватало обыкновенного везения, счастливого случая – который, как подозревал Маркби, обещал представиться не раньше, чем рак на горе свистнет.

В воскресенье вечером он с неохотой признал, что они сделали все, что было в их силах, и им остается только ждать улова от заброшенных лесок. Маркби понимал, что загонял себя, вымотался, стал раздражительным, и рассудил, что если не возьмет отгула в счет потерянных выходных, то всем в отделе придется ой как несладко. Поэтому он решил устроить в понедельник день отдыха. Отправившись за город в надежде, что ветер надует свежие мысли в его усталую голову, он с негодованием обнаружил, что в его отсутствие местность, которую он знал и любил, необратимо изменилась.

Раньше здесь располагалось хозяйство, которое издавна, еще с тудоровских времен, называлось Одинокой фермой.

Фермерский дом, который помнил Маркби, стоял на древнем фундаменте, у него были узкие четырехугольные каминные трубы, украшенные декоративной кладкой. В детстве Маркби часто играл здесь в ковбоев. Он с друзьями окружал недоумевающих коров, жующих сладкую траву, и перегонял их на другой конец поля. А кустарник служил им местом для игры в полицейских и воров.

Все исчезло под гусеницами бульдозеров. Поля, за которыми заботливо ухаживали многие поколения фермеров и в которых прошло его детство, были уничтожены. Справа он мог различить крыши Серой фермы, ближайшего к Одинокой ферме земельного владения, которое еще не стало жертвой застройщиков. Слева темным пятном на горизонте выделялась ферма Уитчетт, также пока сопротивляющаяся натиску асфальта и бетона.

Прежний пейзаж уже казался сном. Перед ним, насколько хватало глаз, расстилалась голая, покрытая шрамами земля. Все деревья были выкорчеваны и лежали с обнаженными корнями – вызывающие жалость павшие гиганты, униженные и лишенные ветвей. Те из них,

чьи корни еще цеплялись за опустошенную землю, начали покрываться весенней зеленью, и на стволах, покрытых зияющими ранами, трепетали молодые листочки. От такого зрелища на глаза наворачивались слезы.

То, что не было уничтожено, было ужасным образом искалечено. Небольшой ручей, в котором Маркби любил ловить рыбу, был вычищен и направлен в другое русло, а его берега расширены и выстелены бетонными плитами, чтобы он уже никогда не смог вернуться к своему естественному течению. Росшие вдоль него ивы исчезли. Неподалеку полотно новой дороги пробегало около полумили и зарывалось в земляной холм. На том месте, где он с друзьями строил шалаши в ветвях столетних дубов и среди кустов ежевики, теперь стояло несколько недостроенных домов – жалких, ободранных приживалов под синим сводом небес. Оскорбляя слух, в уши вторгался тяжелый рык строительной техники. Над головой Маркби пролетела грачиная стая – скорее всего, в поисках своего разоренного гнездовья. Они покружили над голым полем и потянулись дальше – искать новый дом там, куда еще не добрались экскаваторы.

Маркби снова вздохнул, затем лицо его просветлело. Он увидел, как впереди и немного ниже того места, где он сидел, по недоконченной дороге медленно и осторожно движется серый джип. Прошло немного времени, и он остановился. Показался водитель. Вслед за водителем из машины выпрыгнула небольшая собака – белая с желтым, как терьер Джека Рассела, – и стала без всякой видимой причины, просто от полноты жизни, носиться взад-вперед по асфальту. Сделав несколько кругов, она спрыгнула в канаву и пропала из виду. Водитель вытащил из машины большой лист бумаги, развернул его и попытался разложить на капоте. Ветер не заставил себя ждать. Он налетел и попытался вырвать лист из рук мужчины. Защищая лист собственным телом и время от времени получая свободным углом по лицу, мужчина старался что-то в нем рассмотреть, и посторонний наблюдатель легко мог представить себе, с каким чувством и какие слова он при этом произносил.

Маркби улыбнулся. Он убрал в карман остатки шоколада и встал. Даже на таком расстоянии он узнал человека и собаку. В предвкушении разговора он начал спускаться по склону, поскользываясь на вязкой глине и влажной траве. Оказавшись внизу, он стал, оступаясь и чертыхаясь, пробираться между глыбами развороченной земли. Проковыляв таким образом некоторое – не очень большое – расстояние, он сложил ладони рупором и крикнул:

– Стив!

Человек с чертежом поднял голову и необдуманно вскинул руку для приветствия. Ветер не замедлил воспользоваться этой возможностью: он подхватил чертеж и понес его вдоль дороги. Стив Уэзерол погнался за ним. Терьер Патч вынырнул из канавы и, семеня короткими лапами, бросился преследовать обоих. Он явно был уверен, что вся эта замечательная забава была придумана исключительно ради него.

Маркби подошел к машине и дождался возвращения Стива. Тот ругался, отдувался, вытирал лицо, но все же держал в руках злосчастный чертеж, теперь весь мятый и грязный. Стив засунул его в машину, раздраженно захлопнул дверь, затем повернулся к Маркби и спросил осипшим голосом:

– И что ты тут делаешь?

– Гуляю. – Маркби наклонился, чтобы погладить Патча, который узнал его и в ознаменование встречи с другом крутился на месте, подскакивал и опирался передними лапами о колени Маркби, беззаботно пачкая его брюки. – Решил в последний раз взглянуть на то место, которое когда-то – до того как ты со своими пиратами тут все перекопал и залил бетоном – было красивым сельским уголком.

– Прогресс, дружище, прогресс. Людям надо где-то жить.

– Но не обязательно же именно здесь. Я вот, например, думаю, что вы просто уродуете землю. Бамфорд был маленьким, опрятным ярмарочным городком. А ты со своими строителями его практически уничтожил. Здесь стояла Одинокая ферма. Разве ты не помнишь, Стив?

Ты же должен помнить, как в детстве мы играли здесь в зарослях черной смородины и ловили в ручье пескарей!

Уэзерол фыркнул.

– Сентиментальный вздор, – заявил он. – Ну да, я помню. Естественно, мне иногда грустно смотреть на то, как все это исчезает. Но времена меняются. И люди – если это умные люди – меняются наравне с ними. Некоторые, конечно, так и не взрослеют и предпочитают всю жизнь играть в полицейских и воров! – Стив бросил на Маркби многозначительный взгляд.

– Все дело в деньгах, ты имеешь в виду. В той цене, которую дают за землю. Люди не могут устоять перед соблазном в одночасье разбогатеть.

– Нет, дело не только в этом. – Стив повернулся и обвел рукой горизонт. – По всей стране у фермеров дела идут все хуже и хуже. Большинство из них давно мечтают порвать с сельским хозяйством и ждут не дождутся того дня, когда кто-нибудь предложит им за землю хорошую цену. Не вини ландшафтных проектировщиков, архитекторов и строителей – вини высокие ссудные проценты, недостаточные субсидии, низкие молочные квоты, «коровье бешенство», почесуху, сальмонеллу – все то, отчего падают цены. Вспомни еще о выматывающем, однообразном фермерском труде и о том, как они сейчас одиноки на своих фермах. Знаешь, сколько их страдает от депрессии? Пятьдесят лет назад на фермах жило десять – двадцать работников с семьями, а сейчас все хозяйство тянет на себе один человек с женой и домашним компьютером.

– Ну! Ты же не будешь говорить мне, что такая ситуация сейчас на всех фермах!

– Конечно не буду. Сельское хозяйство – такой же бизнес, как и все другие. Один сдастся и уйдет – на его место придет другой. Не волнуйся, когда мы уйдем, вокруг останется еще много ферм. Вон в той стороне, например, ферма Уитчетт. Миссис Кармоди ни за что не уедет. А Серая ферма? Хотел бы я посмотреть, как Уинтропы подписывают контракт на продажу земли! Хотя, ты знаешь, иногда я думаю, что Алвин бы подписал, будь на то его воля.

– Сто лет Алвина не видел, – заметил Маркби. – И его брата Джейми. В детстве мы были большими друзьями.

– Джейми несколько лет назад уехал отсюда и теперь работает где-то за границей. Алвину, как старшему сыну, досталась короткая соломинка: ему пришлось остаться. Джессика не так давно вернулась домой. У нее случилось какое-то нервное расстройство. Кажется, дела у них идут не очень хорошо. Одно время они разводили крупный рогатый скот, но цены так упали, что они работали себе в убыток. Тогда они перешли на овец, но тоже без особого успеха. Над Уинтропами будто висит злой рок.

– У миссис Кармоди, кажется, все не так плохо.

– Она сдает большую часть земли под выпас скота. Да и много ли ей надо, одной-то? А Серая ферма кормит всех Уинтропов, кроме Джейми.

Маркби вздохнул и пнул камешек.

– Да ладно тебе, – примирительно сказал Стив. – Когда мы закончим, здесь все будет замечательно. Ты и сам бы не отказался пожить в таком доме. Очень хороший дорогой поселок, с отделкой по выбору заказчика и гаражом на две машины. Будут проведены работы по озеленению прилегающей территории. Мы посадим деревья, траву... рядом построим маленький торговый центр. – Он добродушно рассмеялся. – Даже тебе придется взять свои слова назад.

– Хватит-хватит! Знать ничего не хочу.

– Ты жалкий старый брюзга. Кстати, я слышал, что тебя бросила подружка, – ну та, которая работает в министерстве иностранных дел. И я бы не стал ее за это винить.

– Во-первых, она меня не бросила. А во-вторых, она мне не подружка в том смысле, в каком ты это понимаешь.

Стив недоверчиво хмыкнул.

– Слушай, дружище, давай-ка сменим тему! – не скрывая раздражения, сказал Маркби.

– Ну как твоя... приятельница – она уехала за границу?

– Нет, сидит за столом в министерстве. Она бы и рада уехать, но ее пока никуда не посылают. Она перестала снимать здесь коттедж, потому что ей было слишком тяжело добираться до Лондона.

– Часто с ней видишься?

– Не очень. – Это уж точно. Даже, скорее, очень нечасто. Но может быть, удастся вытащить ее в Бамфорд на несколько дней – скоро ведь Пасха. Пусть даже он будет работать. Только бы найти какой-нибудь предлог... Маркби обратил внимание на большой экскаватор, который, переваливаясь, двигался в стороне от них. – Что это он задумал? Мало ему ям, что ли?

Стив посмотрел в указанном направлении.

– А, там. На той неделе я велел выкопать на том участке траншеи под фундамент глубиной метр двадцать. Хорошо еще, что сегодня утром я не поленился и проверил. Они и на метр не углубились. А там, как назло, еще и рыхлый грунт кое-где. В глинистых почвах такое бывает, и тогда важно максимально осадить фундамент. Сегодня после обеда начнется заливка бетона, и я попросил Шона пройтись разок по всем траншеям и прокопать до нужной глубины. Это все из-за прораба. Если бы этот чертов Герси делал свою работу как следует... – Стив вновь повернулся к Маркби. – Как насчет выпить по кружке пива?

– Хорошая идея. А где?

– Давай в «Лисе и гончих» на центральной улице? Сейчас я здесь закончу, и поедем.

Рев экскаватора неожиданно стих. Шон открыл дверь кабины и спустился на землю. Маркби рассеянно следил за ним, рассудив, что экскаватор наткнулся на какое-то препятствие.

– Что это он делает? – пробормотал Стив. – Эй! – закричал он и замахал руками.

Экскаваторщик наклонился, чтобы что-то рассмотреть. Вдруг он резко выпрямился и неуклюже побежал к ним. Обе его руки были вытянуты вперед, будто он умолял о чем-то.

По спине Маркби пробежал знакомый, очень неприятный холодок. Мгновенно собравшись физически и эмоционально, он сделал шаг навстречу рабочему. «Господи боже! – пронеслось у него в голове. – Только не труп».

Экскаваторщик был уже близко. Его лицо было белым, как простыня, глаза вылезали из орбит, а рот кривился, будто он хотел закричать, но не мог. Маркби вдруг вспомнил о каменной горгулье в старой церкви, чей рот был открыт в беззвучном, застывшем в вечности крике. Шон подбежал к ним. Ноги его уже не держали, и он чуть не падал. Стив и Маркби бросились вперед, чтобы поддержать его.

– Мистер Уэзерол... – выдохнул он, повисая у них на руках.

Они вернули его в вертикальное положение.

– Ну же, Шон! – сказал Стив. – Возьми себя в руки. Что случилось?

– Он... там, сэр... экскаватор зацепил ковшом... Я что-то увидел... я его увидел... Пресвятая Дева Мария... – Шон вырвался у них из рук, отскочил в сторону, и его вывернуло наизнанку.

– Останься с ним, помоги, а я пойду посмотрю, – на ходу бросил Маркби – он уже бежал к брошенному экскаватору.

Он знал, что сейчас увидит труп, неизвестно, в каком состоянии, и готовился к худшему.

Если труп пролежал в земле долгое время, то он, скорее всего, чистый, возможно, просто голый скелет. Если он был погребен несколько столетий назад, то даже представляет историческую ценность. Иногда строители натываются на обширные древние захоронения с драгоценностями или оружием бронзового века или на римские кладбища. В этом случае строительство должно быть остановлено до тех пор, пока не закончат свою работу археологи. Подобные задержки обходятся строительным компаниям в целое состояние, поэтому они боятся таких находок как огня. И естественно, если в могиле будут найдены какие-либо ценности, возникнет обычная склока о праве владения. С кладами всегда так.

С другой стороны, если он лежит там не так долго и разложился только отчасти, но уже приобрел этот отвратительный зеленовато-коричневый цвет, Маркби придется пожалеть о съеденной шоколадке. Шону позволяется делать все, что ему вздумается, но полицейскому это не к лицу – по крайней мере, на публике. Маркби поймал себя на том, что внимательно смотрит на землю. В песке или галечнике тела разлагаются быстро. Во влажной почве они могут сохраняться годами. Здесь под ногами была липкая жирная глина.

Хватая ртом воздух, он остановился, затем медленно подошел к краю траншеи и заглянул в нее. Она обегала периметр вытянутого четырехугольника и производила впечатление реконструированных военных укреплений бронзового века. Шон только начал ее углублять, когда стальной ковш экскаватора извлек из земли источник возникшей сумятицы. Он все еще лежал на зубцах ковша.

Мертвый мужчина, обнаженный, весь в грязи, с окровавленной головой.

Значит, это не древняя могила и даже не очень старая. Маркби с облегчением отметил, что тело еще не начало разлагаться. Цвет кожи не такой уж страшный, не восковой, какой бывает у трупов даже после короткого пребывания в воде или очень влажной земле. Мужчина лежал на спине вниз головой. Маркби наклонился и взял его за грязное запястье. Потрясенная рука свободно упала – трупное окоченение уже прошло. В холодном грунте оно должно длиться дольше обычного. Конечно, точно можно будет сказать только после вскрытия, но на первый взгляд казалось, что тело пролежало в земле не меньше тридцати шести часов.

Маркби выпрямился. Ветер опять вцепился ему в волосы и принялся хлопать лапами его куртки. Маркби задумчиво посмотрел по сторонам. Кто бы ни вырыл эту могилу, он решил, что траншея уже полностью закончена. Преступники спустились в нее, вырыли неглубокую яму и положили в нее труп. Они были уверены, что скоро она будет доверху заполнена бетоном, и мертвец будет погребен под фундаментом. Затем над фундаментом поднялись бы кирпичные стены. Никто никогда не узнал бы, какую мрачную тайну скрывают они под собой.

Однако этот расчет был разрушен указанием Стива углубить траншею. Нахмурившись, Маркби начал высчитывать. Сегодня понедельник. Рабочие на стройке, наверное, закончили в пятницу пораньше и отправились на выходные к семьям или разбрелись по местным пабам. К этому времени траншея уже была вырыта. Предположим, труп был захоронен в пятницу вечером или в субботу ранним утром. Все освещенные участки находятся отсюда на довольно большом расстоянии, а в полной темноте они работать не могли. Они? Да, они. Один человек с этим вряд ли бы справился, к тому же тело надо было сюда как-то доставить. На этой чертовой новой дороге наверняка не осталось никаких следов, но они могли свернуть с нее, чтобы подъехать поближе к траншее. И в любом случае им пришлось тащить свою мрачную ношу через грязь. На ней должны были остаться следы их ботинок.

Услышав за спиной шумное дыхание, Маркби резко обернулся. Это подошел Стив. Увидев труп, архитектор остановился, издал задущенный стон и прошептал:

– Вот те на!

– Все работы на стройке немедленно остановить! – сказал Маркби. – По этому участку ходить никто не должен. Где у вас тут прораб? Черт побери, этот проклятый экскаватор мог стереть следы шин! У вас есть какие-нибудь шесты и веревки, которыми мы могли бы временно огородить участок?

– Д-да... – Стив изо всех сил пытался взять себя в руки. К ним подбежал Патч. Стив наклонился и взял маленького терьера на руки. – Я только отнесу Патча в машину. Боже мой, Алан... кто это?

– Не знаю. Ты его не узнаешь? Посмотри поближе, если можешь.

Стив сглотнул и склонился над траншеей. Он внимательно всмотрелся в запачканное грязью лицо и покачал головой:

– Нет. Никогда этого парня не видел. А где его одежда?

Маркби обвел взглядом окрестности. Грязь, канавы, кусты ежевики. В самом деле, а где его одежда? Она может оказаться где угодно.

– Стив, надо вызвать прораба. Ты говорил, его зовут Герси? Пусть спросит своих людей, не видели ли они каких-нибудь тряпок или предметов одежды: рваных, грязных – не важно. И пусть не пускают на стройку никого из посторонних.

«Придется прочесать дно ручья и окружающую территорию, – думал он. – Господи, это же огромное пространство: поля, пастбища, перелески». Вслух он спросил:

– Стив, не здесь ли, случайно, ты заметил участок рыхлого грунта?

Стив моргнул и облизал губы. У него на руках завозился Патч.

– Ну да, примерно. Глина выглядела менее плотной.

– Было похоже на то, что в этом месте копали?

– Ну... да. Но я и подумать не мог, что кто-то спустился в траншею и вырыл... могилу! На таких почвах участки рыхлого грунта встречаются не так уж редко.

– Понятно, – пробормотал Маркби. – Я тебя ни в чем не обвиняю. Наоборот, мы обнаружили его только благодаря тому, что ты настоял на углублении траншеи. Если бы не это, мы бы его вообще никогда не нашли.

– Это уж точно. Тот, кто его здесь похоронил, был уверен, что придумал стопроцентно надежный способ избавиться от тела. И ему это почти удалось!

– У тебя в машине есть телефон?

«Два труп за шесть дней», – мрачно подумал Маркби. Вот уж правда: беда не приходит одна. Однако он от души надеялся, что ему не придется убеждать в истинности другой пословицы: что бог трою любит. Ей-богу, двух вполне достаточно. По крайней мере, нет сомнений относительно того, как коронер квалифицирует смерть последнего. Умерших от естественных причин не раздевают догола и не хоронят тайно под фундаментом строящегося здания. На этот раз у них на руках убийство, и никакое юридическое крюкотворство не докажет обратного.

Патч, крутившийся на соседнем сиденье, подпрыгнул и попытался лизнуть его в лицо.

– Уйди! – строго сказал Маркби. Он осторожно отодвинул его в сторону, связался с диспетчером и вызвал на место происшествия группу по расследованию убийств.

Глава 3

– Здравствуйте, Алан! – жизнерадостно приветствовал Маркби доктор Фуллер. – Не много же времени прошло с нашей последней встречи. И где вы только их находите? Нам с вами следует пообщаться не в рабочей обстановке – просто чтобы восстановить равновесие. Приходите к нам как-нибудь, а? Эллиен будет очень рада. У нас опять намечается небольшой званый вечер, на этот раз в компании с Иоганном Себастьяном Бахом.

Маркби что-то промычал и втянул носом воздух. Как всегда, пахло в прозекторской просто ужасно: какой-то тошнотворно-сладкой химией типа формальдегида. Маркби ненавидел это место. Он ненавидел отмытый до блеска кафель, нестерпимо яркие белые лампы и аккуратно расставленные по металлическим полкам сверкающие стеклянные емкости.

– Вы нашли интересный труп, – сказал Фуллер, славившийся спокойным, беспристрастным и даже в какой-то мере положительным подходом к своей работе. – И в интересном месте. Я всегда подозревал, что работа на стройке очень увлекательна.

Фуллер не позволял работе вмешиваться в свою жизнь. У него была семья. Он не приходил после работы в пустой дом. Маркби поджал губы. Патологоанатом сел за стол, раскрыл папку и стал листать ее своими отмытыми до хруста, привычными к точным движениям пальцами. При этом он тихо насвистывал. Маркби узнал отрывок из Вивальди. Фуллер был восторженным поклонником классической музыки и играл на скрипке. Его жена играла на фортепиано. Каждый из его одаренных, невыносимо самоуверенных детей на чем-либо играл. Они устраивали музыкальные вечера, на которые приглашали всех знакомых. Маркби, страдавший почти полным отсутствием музыкального слуха, как-то высидел один такой вечер и теперь ни за какие миллионы не согласился бы повторить эксперимент.

– По правде говоря, – продолжил Фуллер, – когда я приехал на место происшествия, то подумал, что его принесли в жертву.

– Что? – ошеломленно воскликнул Маркби. С юмором у Фуллера временами творились странные вещи. От патологоанатома можно ждать склонности к могильным шуткам, но сказать такое – чересчур даже для Фуллера.

– Это распространенный древний магический ритуал – принести человека в жертву и зарыть его под фундаментом нового дома. В Англии даже в эпоху Тюдоров считалось нормой закопать под порогом кошку или собаку. Кстати, вы еще не выяснили, кто этот парень?

– Нет еще. А что вы мне можете сообщить? – сказал Маркби. Ему не терпелось поскорее убраться из прозекторской. Жертвоприношения... этого еще не хватало! Он бы прекрасно обошелся и без такого рода шуток.

– Белый мужчина. От тридцати до тридцати пяти лет. Только начал лысеть. Вес в норме. Находился в хорошей физической форме.

– В такой форме, какую можно ожидать от профессионального спортсмена? Или от человека, который, к примеру, регулярно играет в сквош?

– Дружище, всякого рода измышления – это не по моей части. Как он поддерживал форму, для меня загадка. Я просто констатирую факт. Так, идем дальше. Старый шрам от вырезанного аппендикса. Зубы плохие – многие запломбированы, на нескольких золотые коронки. Не похоже, что занимался физическим трудом – ладони без мозолей, ногти ухожены.

– Что значит – ухожены? У него маникюр или они просто аккуратно подстрижены?

– Понятия не имею, Алан. Откуда мне знать? Вы что думаете, мне в свободное от работы время делать нечего, кроме как ходить по салонам красоты? Посмотрите сами и составьте собственное мнение.

– Ладно. Когда и как он был убит?

– Он был обнаружен в понедельник утром. Я бы предположил, что смерть наступила в пятницу вечером. Процесс окоченения протекает всегда по-разному. Обычно окоченение начинается часа через два с момента смерти и проявляется в первую очередь на челюстных мышцах и веках. Именно поэтому, когда человек умирает, ему сразу закрывают рот и глаза. В том случае, если он боролся со своими убийцами, окоченение могло начаться несколько быстрее. Для того чтобы окоченение охватило все тело, обыкновенно требуется около двенадцати часов. Оно длится примерно столько же и полностью проходит еще через двенадцать часов. Оно может продолжаться несколько дольше, если труп лежит в очень холодной почве. Но оно полностью прошло к тому времени, когда экскаватор откопал его. У него на спине я обнаружил ясно видимые фиолетовые пятна, похожие на синяки. Они образуются оттого, что кровь в мертвом теле под воздействием гравитации собирается в самых нижних сосудах тела. Отсюда мы делаем вывод, что он был похоронен лицом вверх. Кстати, бывает, что такие пятна принимают за синяки, полученные в результате удара. Настоящих синяков у него нет. Однако тело еще совершенно не начало разлагаться. Поэтому я бы сказал, что смерть наступила не позже раннего утра субботы и не раньше, скажем, восьми-девяти часов вечера пятницы.

– Значит, его похоронили в ночь с пятницы на субботу. – Размышляя, Маркби подошел к окну и стал смотреть на припаркованные снаружи машины. – Вероятнее всего, его похоронили перед рассветом, в сумерках. Позже – слишком рискованно. В выходные рабочих на стройке не бывает, но многие люди сейчас гуляют в тех местах. Используют последнюю возможность – скоро там все исчезнет под асфальтом. Я и сам так поступил – и вот что из этого вышло. – Он вздохнул.

Фуллер тоже вздохнул, не переставая насвистывать.

– Нашли его одежду? Нет еще? Окоченевший труп довольно трудно раздеть.

– Я это понимаю. Его раздели – наверное, чтобы избавиться от улики на тот случай, если что-то пойдет не так и его все-таки обнаружат, – и довезли до места захоронения прежде, чем наступило окоченение. Принимая во внимание, что на это у них было примерно четырнадцать часов, они могли приехать издалека. Итак, пока мы не имеем ни малейшего понятия, где его убили. Что насчет причины смерти?

– Так, сейчас посмотрим... Тара-тира-тарара... – Его несколько раз ударили по затылку – чем бы вы думали? – тупым орудием и проломили череп здесь и здесь... – Фуллер поднес рентгеновский снимок к падающему из окна свету и кончиком ручки показал места переломов. – Что привело к обширному кровоизлиянию в мозг.

– Стало быть, его забили до смерти.

– Нет. – Заметив удивление на лице Маркби, Фуллер повторил: – Нет. Он умер не от побоев. Если бы его вовремя доставили в больницу, то в принципе его можно было спасти. Я говорю «в принципе», потому что вероятность этого невелика. При отсутствии своевременного медицинского вмешательства, включающего в себя срочную операцию, он бы непременно скончался от полученных повреждений. Но формально в данном случае мы имеем иную причину смерти. – Фуллер положил рентгеновский снимок обратно в папку и принялся скрупулезно выравнивать лежащие в ней листы бумаги.

Маркби беспокойно потоптался на месте.

– Ну давайте, не тяните.

Спокойно и даже почти весело патологоанатом сказал:

– Я обнаружил явные следы земли у него в легких.

Воцарилось молчание. К горлу Маркби подкатила тошнота. Он справился с ней усилием воли. Он ощутил какой-то атавистический, инстинктивный ужас – тот ужас, какой человек с древнейших времен испытывает перед самым страшным из концов.

– Господи боже мой, – слабым голосом произнес он. – Вы в этом уверены?

– Да, вполне. Земля в легких и носовых ходах. Криминалистическая экспертиза покажет точно, но я и без нее уверен, что это земля с того участка, где он был найден. – Фуллер аккуратно закрыл папку. – Вот так, Алан. Его похоронили заживо. В этом нет никаких сомнений. Он задохнулся в своей могиле.

– Ну чего ты, Алан! – сказала Лора. – Ну чего ты куксишься! Чтобы это приготовить, Пол целый день провел на кухне.

Маркби уставился в тарелку и без особого успеха попытался сообразить, что это за сосиски угадываются в густой темной подливке.

– *Alouettes sans têtes!* – объявил Пол, который писал книги по кулинарной тематике и вел программу на телевидении. Он никогда не упускал случая попрактиковаться на своей семье и друзьях. – Буквально это означает «жаворонки без голов», но на самом деле это мясной фарш с луком и грибами, завернутый в тонкие ломтики телятины и приготовленный в соусе из грибов и белого вина.

– Нет, ты не подумай, пахнет очень вкусно, – заверил Маркби зятя. – И выглядит... э... интересно. Просто сегодня у меня был плохой день.

– А ну-ка выкинь свою полицейскую работу из головы! – велела ему сестра.

Маркби уныло поглядел в тарелку.

– Слушай, Пол, ты не будешь сильно против, если я съем этих «жаворонков» как-нибудь потом? Если не сложно, поставь их в холодильник, что ли.

– Да, конечно. Ничего страшного. Знаешь что? Давай я лучше принесу тебе пудинг с патокой. Он должен быть очень вкусным.

– У меня тоже бывают неприятности на работе, – упорствовала Лора. – Адвокаты тоже в такие ситуации попадают – не дай бог никому! Но я научилась выбрасывать мысли о работе из головы, когда прихожу домой.

– Ну, у тебя ведь есть семья... – начал оправдываться Маркби, но тут же прикусил язык. Он понял, что не стоило ему этого говорить, но было уже слишком поздно. Лора с готовностью подхватила тему – она поднималась так часто, что уже навязла у Маркби на зубах.

– Алан, я замечаю, что с тех пор, как Мередит уехала в Лондон, ты места себе не находишь. Ты скучаешь по ней. Признайся, что это так.

– Да, скучаю. Но отказываюсь от еды не из-за этого, а совсем по другим причинам. И они не имеют к Мередит ровно никакого отношения.

– Может, и так. Но ведь я же не слепая – я вижу, что с тобой творится. Во имя всего святого, умерь свою гордость. Позвони ей и пригласи ее на несколько дней в Бамфорд.

– Моя гордость тут совершенно ни при чем! – раздраженно возразил Маркби.

– Еще как при чем! Уязвленное мужское самолюбие. «Если бы я ей в самом деле нравился, она бы не уехала»... и так далее, и тому подобное... Я не вчера родилась! Думаешь, я не понимаю, что у вас, мужчин, в головах творится? Пойми ты, Алан, у нее важная, ответственная работа, она не могла продолжать каждый день ездить отсюда в Лондон – это же ужас как тяжело! Ей предложили квартиру, и она в ней поселилась. Но это совсем не значит, что она дала тебе от ворот поворот!

– Лора... – начал Маркби и, не найдя слов, замолчал.

Пол гремел чем-то в кухне. Что-то с грохотом упало на пол, и кулинар выругался.

– Как дети? – спросил Маркби. Он был решительно настроен сменить тему.

– Хорошо. Эмме поставили скобку на зубы, а Викки упала с велосипеда. Мэтью совсем перестал учиться. Целыми днями только и делает, что мяч гоняет. Мальчишка, чего еще от него ждать? То есть с ним тоже все нормально.

– А я не хочу детей, – серьезно сказал Маркби. – И никогда не хотел. Даже когда был женат на Рейчел. К счастью, мы с ней не успели завести ребенка – иначе все было бы гораздо сложнее.

– Ну-ну, рассказывай! Посмотрим, как ты запоешь, когда ребенок у тебя все-таки появится.

– Никогда этого не будет. Я уже стар для таких дел.

– Чепуха! Сколько лет Мередит?

– Лора! Сколько можно повторять – мы с ней ничего такого не планировали.

Из-за двери показалась голова Пола.

– Пудинг упал на пол. Большую часть удалось спасти, но я тебя пойму, если ты скажешь, что предпочел бы мороженое.

– По правде говоря, я бы с удовольствием выпил просто кофе, – откровенно сказал Маркби.

Лора положила локти на стол и подперла подбородок сплетенными пальцами. Ее длинные светлые волосы волной спадали на плечи. Недавно она сменила очки на контактные линзы. «Какая у меня замечательная сестра, – подумал Маркби. – Умная, красивая. Жаль только, что ей в голову запала навязчивая идея жениться на Мередит». Не то чтобы Маркби сам втайне об этом не мечтал, но тут все, к сожалению, не так просто. А Лоре этого не объяснишь. Не стоит и пытаться.

– Простите за неудавшийся ужин! – Пол вернулся из кухни. – Пудинг я все-таки выбросил. Кофе на огне. Может быть, сыр?

– Нет, спасибо. Не обижайся, что я не смог оценить по достоинству твоих «безголовых жаворонков».

– Да брось ты! Ведь мы с Лорой устроили все это безобразие, чтобы заранее тебя отблагодарить. Десять дней присматривать за домом – это большая услуга. Спасибо тебе за то, что согласился.

У Маркби упала челюсть. Он с нескрываемым ужасом смотрел на улыбающегося Пола.

– Алан! – воскликнула Лора. – Ты что, забыл?

– Э... да, забыл. Извини.

– Но мы же давным-давно договорились! Помнишь, я говорила, что место в туристическом лагере нам удастся зарезервировать только в том случае, если мы поедем туда перед Пасхой? И я предупредила, что мы вернемся через два дня после Пасхи. Алан, как ты мог? Я рассчитывала на тебя!

– Да-да, теперь вспомнил. Мы просто слишком давно об этом договаривались. Я уже успел забыть. Надо было напомнить. Но не волнуйся, в течение этих десяти дней я найду время заехать и проверить, как тут и что. Но надо сказать, работы у меня сейчас выше головы: мы расследуем две смерти, одна из которых – определенно убийство.

Лора вздохнула.

– Я надеялась, что ты не один раз заедешь. Но я понимаю: занят – значит, занят. Просто в последнее время на нашей улице часто вламываются в пустые дома – скорее всего, ты и сам это знаешь из разговоров в участке. Сюзи Хейман – она живет в соседнем доме – естественно, не откажется присмотреть за домом, но она недавно в Бамфорде и может растеряться, если возникнет какая-нибудь непредвиденная ситуация. К тому же она работает на полставки на американской военной базе. Мне не очень хочется ее утруждать. На самом деле я рассчитывала, что ты эти десять дней поживешь у нас.

– Лора, я бы с радостью, честно, но не могу. Мне придется дать всем коллегам новый домашний номер, и половина из них его тут же потеряет или забудет. Дополнительные заботы мне сейчас очень некстати. Я не могу просто так взять и переехать. У меня теплица на заднем дворе. Она обошлась мне в целое состояние. Я не могу бросить ее на произвол судьбы и посе-

литься у тебя. Я должен постоянно следить за температурой. Я поставил туда небольшой масляный обогреватель... – Он замолк, потому что Лора и Пол ничего не смыслили в садоводстве, и было трудно ожидать, что они войдут в его положение.

Лора разочарованно отвернулась.

– Так не пойдет. Понимаешь, нам нужна няня для дома – как для ребенка. Кто-нибудь, кто согласится устроить себе десятидневный отпуск, во время которого в свое удовольствие поживет здесь.

– Ты о ней? – спросил Пол.

– О ней, о ком же еще, – спокойно ответила Лора. – О Мередит.

– Ты что, с ума сошла? Она же в Лондоне! – взвыл Маркби. – Трудится на своей важной, ответственной работе в министерстве иностранных дел!

– Она в Лондоне уже почти три месяца. Голову могу дать на отсечение, она не упустит возможности провести несколько дней за городом. Возможно, она еще ничего не запланировала на Пасху. Вот и приедет на пасхальные каникулы. Пожалуй, позвоню ей и спрошу.

– Нет, не позвонишь! – отрезал ее брат.

– Ну, тогда сам позвони и спроси!

– Ни за что! И думать об этом забудь. Без обид, Лора, но иногда тебя посещают такие бредовые идеи! Попросить Мередит приехать и присмотреть за домом! Да зачем ей это надо, скажи ты мне!

– Ну, не знаю... – сказала Лора и мягко улыбнулась. – Может быть, она просто захочет помочь. А заодно устроит себе небольшой отпуск. Сменит обстановку. Что-то в этом роде.

Глава 4

Проснувшись следующим утром, Маркби определенно не собирался звонить Мередит. Он не забыл предложение сестры, но, как он решительно сказал себе в душе, оно было просто неприемлемо. Она откажется, убеждал он себя за бритьем. Или еще хуже: согласится, но не потому, что хочет его увидеть, а чтобы сделать одолжение Лоре, с которой она очень хорошо ладила. После этого его мысли понеслись такими странными кругами, что он испугался и вообще прекратил думать о Мередит. Для этого не потребовалось особых усилий, поскольку вдобавок к продолжающемуся расследованию смерти Линдси в его мозгу теперь острым гвоздем сидело убийство мужчины, чей труп был обнаружен на стройплощадке.

Линдси была из местных жителей, ее опознали сразу же, а в этом деле полиции по-прежнему не удавалось установить личность убитого. У них не было абсолютно никаких наколок. Его внешность не подходила ни под одно из описаний пропавших без вести. Обнаруженная в его носовых ходах земля действительно оказалась с места захоронения – как и предсказывал патологоанатом. Не было найдено ни одной улики, которая указала бы на то, где именно жертву ударили по голове. Следы вокруг его могилы были сфотографированы и приобщены к делу. Все они были оставлены резиновыми сапогами или тяжелыми рабочими ботинками. Некоторых владельцев обуви уже отследили и исключили из списков подозреваемых, но у криминалистов осталась еще целая коллекция «неопознанных» следов, которые, скорее всего, уже никогда не пригодятся следствию. Как справедливо заметил Стив Уэзерол, на стройку каждый день приходит множество людей, и почти все они надевают для этого случая резиновые сапоги. Стив сам всегда так поступает. Часто навешиваются мальчики на побегушках из фирмы-застройщика, землемеры, чиновники из дорожного департамента и городской управы, представители служб электро-, газо- и водоснабжения, мастера из телефонных компаний, наблюдатели из всевозможных ведомств. Кроме того, по участку постоянно слоняются водители грузовиков, потенциальные покупатели и просто посторонние люди, пришедшие поглазеть на стройку. В понедельник сам Маркби, например, относился к последней категории.

– Если тебе нужны следы, – сказал Стив, – то ты по адресу!

Анализ следов автомобильных шин также не принес никаких результатов, однако исключил большинство из них из расследования. Для Маркби это означало, что убитого довели на каком-то транспортном средстве до конца новой дороги, затем вытащили из машины и на руках дотащили до места захоронения. Следовательно, среди всего этого множества следов присутствуют и следы тех, кто его нес. Но как их определить? Здравый смысл подсказывает, что нужно искать глубокие отпечатки, – ведь убийцы шли с тяжелым грузом.

Но на стройке люди очень часто переносят какие-либо тяжести, и таких отпечатков было найдено очень много, самых разных, глубиной от двух дюймов до более чем восьми. К тому же, как назло, в воскресенье ночью прошел сильный дождь, он до блеска отмыл дорогу и стер или размыл многие следы, еще больше запутав картину.

Маркби еще раз допросил Шона Дэйли – экскаваторщика, который обнаружил тело, – и Джерри Герси, прораба на участке. Дэйли еще не оправился от шока, и четких показаний у него получить не удалось. Он не заметил ничего необычного. Все канавы похожи друг на друга. Он просто делал то, что ему велели. Взглянув на фотографию мертвого мужчины, он весь затрясся как в лихорадке. Маркби попросил несчастного не уезжать из города и оставил его наедине со своим потрясением.

Разговор с Герси тоже не принес никакой пользы. Прораб представлял собой совсем не тот тип человека, от которого можно ожидать какой-либо помощи. Ему явно сильно не нравилось, что вся работа остановилась, а по стройплощадке шныряет полиция. Он воспринял

вопрос Маркби о том, какие меры безопасности предпринимаются в то время, когда на стройке никого нет, как личное оскорбление.

– По-вашему, мы должны охранять эту чертову стройку круглые сутки? Видите огороженный участок? Там мы запираем технику, чтобы по ней никто не лазил. А чего вы ждали? Что тут у нас забор под напряжением и сторожевые псы?

Маркби подошел к высокому забору из проволоочной сетки.

– Вы все сюда убираете? Лопаты, носилки, другой ручной инструмент?

Герси угрюмо ответил, что да, они все убирают под замок.

– Иначе утром ничего не останется!

Это означало, что тот, кто вырыл могилу, принес лопату с собой, и поэтому не было большого смысла в том, чтобы осматривать инструмент со стройки. Маркби все же велел сержанту Пирсу взглянуть на него, но скорее для проформы, потому что после выходных весь инструмент уже побывал в работе, и даже если на нем присутствовали следы крови или отпечатки пальцев, то теперь они наверняка исчезли.

Герси наступал Пирсу на пятки и брюзгливо и занудливо повторял, что весь инструмент находился под замком с раннего вечера пятницы до раннего утра понедельника.

– Вы тут ничего не найдете! У нас работы неспорно, нам только и не хватало, чтобы копы путались под ногами! Я же не виноват в том, что этого парня закопали у меня на стройке. Сколько вы тут еще будете болтаться? Что вы рассчитываете найти? Я вам сразу могу сказать, что ни хрена вы не найдете. Мне сейчас надо строить кирпичную стену – и как, скажите на милость, мне это сделать без инструментов? Так что, когда закончите их обнюхивать, господин Шерлок Холмс, – Герси завершил свои словоизлияния ироническим пассажем, – мы были бы вам о-очень признательны, если бы вы вымелись отсюда и дали нам спокойно работать!

Герси мог стать для полиции настоящей головной болью. Он не имел возможности совсем запретить им находиться на стройке, но легко мог сделать их пребывание там невыносимым. Существует множество способов портить людям кровь, и Герси знал их все. Маркби сидел за столом у себя в кабинете и смотрел на фотографию, предназначенную для распространения среди полицейских. Патрульные и детективы будут показывать ее жителям города в надежде, что кто-нибудь опознает убитого.

Фотография тоже оставляла желать лучшего. С первого взгляда было видно, что на снимке запечатлен труп. С него смыли грязь и кровь, но все равно его лицо было лицом мертвого человека. Всякое выражение отсутствует, глаза закрыты, щеки ввалились. Маска из папье-маше, больше ничего. Скорее всего, он сейчас кажется более худым, чем при жизни. Как-то Маркби довелось осматривать тело известного всему городу кутилы, которого постигла безвременная – или, наоборот, как думали многие, вполне своевременная – кончина. Его поразил неожиданно величественный вид трупа. Смерть высушила и подобрала его одутловатые щеки, замазала мешки под глазами, прикрыла веками мутные зрачки, которые благодаря давнему знакомству с пороком приобрели отвратительный тусклый блеск. Его губы потеряли кровавый оттенок, а брюзгливое, пресыщенное выражение сменилось чем-то вроде умиротворения.

Это лицо тоже было лицом мертвеца. Оно не говорило абсолютно ничего. В некоторых религиях во время заупокойной службы священник обращался с речью к усопшему, лежащему в освещенном свечами гробу. Его вопросы всегда были риторическими. Даже если покойный в своих загробных странствиях и нашел ответ на вопрос, существует ли Бог и бессмертие души, он не мог поведать его никому из живущих. И все же что-то в этом лице беспокоило Маркби. Он не знал, что именно. Какая-то мысль скреблась в его мозгу, но ему никак не удавалось ухватить ее.

Маркби созерцал фотографии уже минут пять, а может, и больше, когда в кабинет заглянул сержант Пирс. Он тактично кашлянул.

– Сэр, к вам пришел мистер Ньюман, подрядчик. Его фирма занимается строительством домов в том районе. – Понизив голос, Пирс добавил: – На него сильно насаждает компания-застройщик. Он говорит, что в случае задержки должен будет выплатить большую неустойку. Сегодня утром он побывал на стройке, и теперь чуть не брызгает слюной от ярости. Как я понял, у них там то ли забастовка, то ли еще что. А Герси – это вообще какое-то чудовище. Я уж и не знаю, что с ним делать.

– Да? – Маркби перевернул фотографию и положил ее в канцелярский лоток. – Ну что же, пригласите сюда этого мистера Ньюмана.

Ньюман был владельцем местной строительной фирмы и довольно известным в городе человеком, но Маркби никогда не встречался с ним лично. Не скрывая любопытства, он оглядел дородного лысеющего мужчину, энергичной походкой вошедшего в кабинет. Настороженное выражение глаз Ньюмана плохо сочеталось с его самоуверенным видом. Он протянул Маркби руку и сказал:

– Рад познакомиться, господин старший инспектор. Надеюсь, мы сегодня же разберемся с возникшим недоразумением. Работа на участке стоит с самого понедельника. Уверен, мне не нужно объяснять вам, что эта задержка причинила нам не только неудобства, но и значительные убытки. У нас очень сжатые сроки...

– Мы там уже закончили, – спокойно сказал Маркби. Он поднялся с кресла, чтобы поздороваться с посетителем. Теперь он снова сел и показал на пухлую папку, лежащую на столе. – Мы сделали фотографии, сняли следы шин и ботинок, взяли образцы грунта. Вы можете продолжить работу.

– Да-да, я понимаю, но рабочие... – Ньюман нервно потер ладони. На пальце у него блестело массивное золотое кольцо. Обручальное? «Нет, не та рука», – отметил Маркби. – Конечно, я понимаю, что ваши люди делали свою работу, но они допросили каждого рабочего на стройке, и некоторым из них... это не понравилось.

– Да? А почему? Ведь это формальная процедура, ничего больше. Мы обязаны были всех допросить.

На лице Ньюмана промелькнуло испуганное выражение, и он поспешил исправить ложное впечатление, невольно произведенное его словами:

– Ну конечно, формальная процедура! Я и не имел в виду ничего такого. Никто из них не имеет никакого отношения... Да черт побери, некоторые из них просто не любят полицейских! В конце концов, вы же должны это понимать...

– Я не налоговый инспектор, – пожав плечами, сказал Маркби, – и не представитель министерства социальной защиты.

– Я попросил бы вас не делать подобных намеков! – воскликнул Ньюман. – Мы не занимаемся такими делами! Ни на одном из наших участков! Все наши рабочие соответствующим образом зарегистрированы для выплаты налогов и страховых взносов. Я просто хотел сказать, что они нервничают, когда им приходится разговаривать с полицейскими. Они опасаются, что их обвинят в том, чего они не совершали. Моя компания-заказчик чрезвычайно заинтересована в том, чтобы не возникло никакой задержки. Вы же знаете, как все работает. Им в затылок дышат банки, поэтому они дышат в затылок подрядчику...

– А вы, в свою очередь, решили подышать в затылок мне? – улыбаясь, спросил Маркби.

– Нет... ну хорошо – да, именно так! Откровенно говоря, я просто боюсь, что рабочие разбегутся кто куда. Из-за этого злосчастного происшествия участок приобрел дурную славу. Вы даже не представляете себе, насколько строители суеверны. А ирландцы вообще всегда работают стабильными бригадами – вместе приезжают на стройку, вместе уезжают. По всей стране так. Если один снялся с места, другие могут последовать за ним. Дэйли – Шон Дэйли, экскаваторщик – уже бросил участок.

– Что? – ошеломленно воскликнул Маркби. – Но мы же еще с ним не закончили! Он нужен нам для дальнейшего допроса. Я велел ему не уезжать. Вы не знаете, куда он направился?

– Нет, к сожалению, не знаю, – нахмурившись, сказал Ньюман. – Простите. Никто не думал, что он может вам понадобиться. И в любом случае, мы не смогли бы его задержать. Я понимаю, вам нужно было сразу сообщить, но, по правде говоря, голова у меня была забита совсем другими вещами. Да я и узнал обо всем уже после того, как он отбыл. Кстати, если будете его искать – у него старый «форд-капри». Я видел, как он ставил его у своего вагончика. У нас некоторые рабочие живут в вагончиках примерно в четверти мили от того места... где все случилось.

– Вы имеете в виду, от того места, где было найдено тело?

– Да. Дэйли жил в вагончике вместе с рабочим по фамилии Риордан. Этот Риордан сообщил мне сегодня утром, что Дэйли мучили кошмары с тех пор, как он откопал мертвеца. Он думал о нем все время и даже есть не мог. Он сказал Риордану, что не может больше этого вынести. Рано утром он пришел в расположенный на участке офис и сказал, что увольняется. Это было еще до того, как я туда приехал. Он должен был оставить свой почтовый адрес, потому что мы ему еще не все выплатили. Вам нужно будет уточнить это у начальника строительства.

Маркби сделал запись в настольном блокноте, чтобы не забыть как можно скорее послать Пирса разобраться с побегом Дэйли.

– Кстати, – сказал он, – раз уж мы так подробно обсуждаем действия полиции на стройплощадке, – вы не могли бы попросить вашего прораба вести себя хоть немного повежливее? Не то чтобы он у нас на подозрении, но понимаете, очень трудно работать, когда кто-то постоянно жалуется, язвит и наотрез отказывается помочь хоть в чем-либо.

– А, вы про Джерри Герси, – немного смущенно сказал Ньюман. – С ним нелегко иметь дело. Я попытаюсь на него повлиять.

– Хорошо. А теперь, мистер Ньюман, я бы хотел показать вам фотографию – если вы не возражаете. – Настороженность в глазах строителя сменилась тревогой, и Маркби успокаивающе добавил: – В этом нет ничего страшного. Тело находится в приличном состоянии, если можно так выразиться.

– Ну хорошо... я посмотрю, – с видимой неохотой сказал Ньюман.

Маркби взял фотографию из канцелярского лотка и положил ее перед посетителем. Внимательно посмотрев на нее, Ньюман достал платок и промокнул уголки рта, затем покачал головой. Маркби подумал, что оценка состояния трупа зависит от того, насколько часто человек сталкивается со смертью. Полицейские со временем вырабатывают в себе высокую устойчивость к неприятным зрелищам. А Ньюману, возможно, за всю жизнь не довелось увидеть мертвого человека.

– Никогда его не видел! – хрипло произнес Ньюман.

– По словам Стива Уэзерола, если бы траншеи под фундамент были окончательно готовы и их не требовалось бы углубить, его никогда бы не обнаружили.

– Да, так и есть. В тот день мы планировали залить фундамент.

– Значит, тот, кто похоронил там его, рассчитывал, что примерно через двадцать четыре часа тело окажется под полутораметровым слоем бетона. А потом над его могилой будет построен дом.

– Два дома, если быть точным, с одной общей стеной. Четыре спальни, две ванные комнаты – одна смежная со спальней.

Последнюю фразу Ньюман произнес автоматически и поэтому слегка смутился:

– Простите. Я не собираюсь вам ничего продавать. – Он устало потер лоб. – Этот случай сослужил нам очень дурную службу. Совсем не такая реклама заставляет покупателей выстраиваться в очередь. Позицию компании-застройщика тоже можно понять. Будет большая удача, если им удастся привлечь новых клиентов! А те, кто заинтересовался покупкой этих домов, но

еще не связал себя никакими обязательствами, откажутся от покупки, будьте уверены! Ну кто, скажите, захочет купить дом, построенный на участке, где был зарыт труп? Скорее всего, они прикажут нам засыпать все канавы и засеять все травой. Сделаем там площадку для отдыха. А денежки помашут нам ручкой. В этой компании все очень расстроены произошедшим, господин старший инспектор, и они ведут себя так, будто это я во всем виноват!

Маркби кивнул, давая понять, что принял жалобы Ньюмана к сведению.

– Скажите, вы когда-нибудь замечали на стройплощадке или рядом с ней каких-либо подозрительных лиц?

– Мистер Маркби, вы же сами там были и имеете представление о том, в каком месте расположен этот участок! Там все время ходят какие-то люди. Некоторые из них – потенциальные покупатели, осматривающие свои будущие владения, другие – местные жители, которые свернули на стройплощадку во время своей вечерней прогулки просто потому, что им интересно, что это мы тут строим. Невозможно запретить им находиться рядом с местом строительства. Но лично я никого особенно подозрительного не видел. Спросите лучше Герси.

– Уже спросили – и его, и остальных рабочих. Все они говорят примерно то же, что и вы. Человека на фотографии также никто не опознал.

– Вот, значит, как, – сказал Ньюман. – Ну, значит, вы с нами закончили, я правильно понял?

– Пока да. Но я не могу обещать, что мы не вернемся. – Маркби смерил Ньюмана спокойным взглядом. – Мы расследуем убийство.

– Да-да, конечно. Естественно, мы – и я в первую очередь – сделаем все возможное, чтобы помочь следствию. Но к сожалению, рабочие сильно обеспокоены. Я не могу допустить, чтобы у меня уволился еще кто-нибудь.

После ухода Ньюмана Маркби вызвал Пирса:

– Поезжайте на стройку в офис и возьмите у них все сведения на экскаваторщика, Шона Дэйли. Сегодня утром он уволился и уехал, несмотря на то что ему было сказано не исчезать из виду. Постарайтесь узнать, куда он направился и оставил ли он адрес для корреспонденции. Он водит старый «форд-капри». Там рядом со стройкой есть место, где стоят жилые вагончики. Сходите туда, найдите человека по имени Риордан. Он жил в одном вагончике с Дэйли. Спросите у него – да и у всех, кто там окажется, – не упоминал ли Дэйли о каких-либо живущих поблизости друзьях или родственниках, к которым он мог бы поехать.

– Они не скажут, – со вздохом сказал Пирс. – Даже если знают. Будут молчать как рыбы. Маркби встал из-за стола и стал надевать свою темнозеленую куртку.

– Сэр, а вы куда?

– Съезжу на Серую ферму и ферму Уитчетт. Они находятся как раз по обе стороны строительного участка. – Он взял со стола фотографию и помахал ею в воздухе. – Не с луны же этот парень упал. У нас в округе есть полтора десятка мест, где идет строительство домов или дорог. Почему преступники выбрали именно эту стройку? Она довольно далеко от автострады – другие расположены ближе и удобнее. Им пришлось бы съехать с магистрали на шоссе «Б», а затем в нужном месте свернуть на только что построенную дорогу. Люди незнакомые с нашей местностью вообще бы ее не нашли. Отсюда делаем вывод, что могильщики знали об этой стройке. Возможно, они приезжали на участок не один раз – осматривались, выбирали место, следили за ходом работ, высчитывали, когда будут заливать фундамент. А если так, кто-нибудь должен был видеть их или их машину – что-нибудь!

Пирс отнесся к рассуждениям своего начальника скептически:

– Они могли прийти на участок совершенно открыто и сказать, что хотели бы купить один из строящихся домов. Никто бы их ни в чем не заподозрил. В этом случае они легко могли получить сведения о графике работ и даже взглянуть на чертежи.

– Если даже мне придется допросить каждого, кто был там хотя бы раз, я это сделаю! – мрачно сказал Маркби.

Глава 5

Несмотря на все неприятности с расследованием, Маркби, который вел машину по сельской дороге, не мог не заметить, что его окружает такая красота, какая возможна только самым лучшим апрельским днем в Англии. Благодаря объединенным усилиям кратковременных ливней и хрустальных солнечных лучей обочина искрилась каплями, а мокрый асфальт играл яркими бликами. Кусты и деревья только недавно оделись изумрудной весенней листвой, и в их ветвях всюду, куда ни глянь, порхали и посвистывали птицы, обустривая свои гнезда. Маркби пожалел, что у него нет времени остановиться и посмотреть, как резвятся новорожденные ягнята.

Он сбавил скорость. Вдоль дороги тянулся забор, за которым паслись овцы. Это стадо почти наверняка принадлежит Уинтропам. Маркби уже и не помнил, когда в последний раз был на Серой ферме. Он вдруг понял, что ему очень любопытно, как они живут сейчас, когда вокруг произошло столько перемен. Впереди показался поворот, перед которым стоял заляпанный грязью деревянный знак с надписью: «Только к ферме». Как бы в доказательство этого утверждения, грунтовая дорога, проходившая по дну узкой ложбины, была сплошь покрыта следами тракторных шин и овечьим пометом. Маркби осторожно съехал на нее. Склоны ложбины круто поднимались от обочины, поэтому разъехаться было негде. Если ему встретится какой-либо транспорт, придется сдавать задом до самого поворота.

К счастью, он никого не встретил, зато спугнул белку. Какое-то время она слепо неслась перед машиной, но затем, придя в себя, метнулась в сторону и взлетела по стволу старого дуба, который с угрожающим видом склонился над дорогой, протянув к ней свои скрюченные ветви. Маркби притормозил и вгляделся в листву согбенного старожилы, но белки нигде видно не было. Зверек хорошо спрятался и теперь наблюдал за ним из своего укрытия. Маркби пришло в голову, что этот дуб не выглядит особенно крепким, а его ветви висят слишком уж низко. Кое-где на них даже были заметны клочки сухой травы – это означало, что в сенокос они «причесывали» нагруженные сеном и соломой прицепы. Странно, что Уинтропы до сих пор его не спилили.

Дорога сделала неожиданный поворот, за которым обнаружились распахнутые настежь ворота. Въехав на большой фермерский двор, Маркби остановился возле обширного загона на столбах, крытого ржавым от времени гофрированным железом и обнесенного невысокой изгородью. Из загона доносилось жалобное блеяние. Маркби подошел и заглянул внутрь. В полумраке призрачно-белыми пятнами различались многочисленные овечьи морды.

– Доброе утро, сударыни, – вежливо поздоровался Маркби.

Все как одна они перестали жевать и уставились на него.

Маркби обернулся и обнаружил, что его тоже застали врасплох. За его спиной стояла крупная, враждебного вида шотландская овчарка с острой волчьей мордой.

– Привет, парень, – спокойным голосом сказал Маркби, хотя в его груди и образовалась неприятная пустота. – Я твоих подружек не трогал.

Не спуская с Маркби недоверчивых, обведенных красным глаз, пес опустил голову и сделал медленный шаг вперед, затем переступил с лапы на лапу и сделал такой же шаг назад. Казалось, он размышлял, как удобнее напасть на пришельца, чтобы загнать его в угол и держать там до тех пор, пока не придет подмога.

К счастью, подмога прибыла раньше, чем пес приступил к действиям.

– Виски! – раздался женский голос.

Пес обернулся, присел на лапах, изогнул спину и завилял пушистым хвостом. Приветствуя этим неммым танцем хозяйку и показывая свое послушание, он все же не сдвинулся с

места, не желая ни упускать вторгшегося в его владения врага, ни выказывать каких-либо признаков дружелюбия.

– Чем я могу вам помочь? – спросила девушка. Теперь, когда она оказалась в зоне видимости, пес решился переложить ответственность за безопасность фермы на ее плечи. «Хозяйке-то виднее», – казалось, говорил его взгляд. Он не спеша удалился в уединенный, залитый солнцем угол двора и улегся там на пустой мешок, явно брошенный в том месте специально, в качестве собачьей подстилки. Продолжая следить за Маркби своими красными глазами, он уткнулся носом в лапы и замер.

По оценке Маркби, девушке было двадцать четыре – двадцать пять лет. Он судил не по ее виду, а исходя из предположения, что это должна была быть Джессика Уинтроп. Если он правильно помнил, она должна быть примерно в этом возрасте.

Выглядела она моложе. Бледная, красивая, но печальная девушка с длинными светлыми волосами – по старому деревенскому выражению, «прямыми, как ярд вылитой из ведра воды». Стройная, даже хрупкая, среднего роста. На ней были обтягивающие брюки для верховой езды, заправленные в высокие сапоги, толстый свитер и поверх него – теплая стеганая безрукавка темно-синего цвета. Она только что вышла из конюшни, стоящей напротив загона для овец. В руках у нее была веревка. Она оглянулась и потянула за нее. Послышалось цоканье копыт, и на свет выступил чалый пони с подстриженной гривой. Веревка оказалась поводом, привязанным к его уздечке. Поравнявшись с девушкой, пони остановился, обмахнулся хвостом и поглядел на незнакомца. Она тоже повернулась к Маркби. Пони и девушка молча ждали, что он скажет.

– Вы ведь Джессика, верно? – спросил Маркби, которому стало немного не по себе от тройной порции пристального внимания – со стороны девушки, пони и пса. – Меня зовут Алан Маркби, я старший инспектор из полицейского участка в Бамфорде. Я учился в одном классе с вашим братом Ал вином – ох и давно же это было! Полагаю, вы меня не помните – ведь вы были тогда совсем маленькой.

Она не улыбнулась, а только сказала:

– Их сейчас нет – ни папы, ни Алвина. Они оба на выпасе. А что вам нужно?

– Ну, я... – Он умолк, почувствовав странную неловкость. – А ваша мать здесь?

Прежде чем она успела ответить, со стороны дома послышался другой женский голос, более резкий и уверенный:

– Джесс?

– Миссис Уинтроп? – крикнул в ответ Маркби. – Это Алан Маркби! Мне нужно с вами поговорить!

Пони вскинул голову, всхрапнул, ударил копытом и попятился обратно в стойло. Повернувшись к нему, Джессика успокоительно похлопала его по холке.

– Джессика, с вами я тоже хотел бы поговорить, если у вас найдется время, – сказал Маркби. – Я не отниму больше пяти минут.

– Хорошо, – пробормотала она, не глядя на Маркби. – Я только поставлю Нельсона в денник.

В это время на крыльце показалась миссис Уинтроп. Она направилась к Маркби, и по мере приближения выражение ее лица, вначале подозрительное, смягчалось.

– Алан! Вот не думала тебя увидеть! Приехал поговорить с Алвином?

– Правду сказать, не только с ним, а со всеми вами. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы уделите мне несколько минут.

– Тогда нам лучше пройти в кухню. Я сейчас пеку лепешки и не могу оставить их без присмотра.

Следуя за миссис Уинтроп, Маркби вдруг задался вопросом, в кого из Уинтропов пошла Джессика. Насколько он помнил, на Уинтропа-старшего природа не пожалела строительного материала, Алвин вырос почти двухметровым здоровяком, а Джейми благодаря своему сло-

жению неплохо играл в регби. Невысокая миссис Уинтроп отличалась исключительной дородностью – «Поперек себя шире!» – с некоторым даже изумлением подумал Маркби. На самом деле все обстояло не настолько плохо, но первое впечатление складывалось именно такое. На прическу миссис Уинтроп обращала крайне мало внимания: ее короткие седые локоны, когда-то давно подвергшиеся химической завивке, теперь торчали в разные стороны. Одетая она была в серый нейлоновый комбинезон. В кухне восхитительно пахло домашней выпечкой.

– Ну, садись, Алан! – Миссис Уинтроп показала на стул. – Джесс! Смотри непусти собаку на кухню! За этой животиной нужен глаз да глаз, – объяснила она Маркби. – Хитрющий ужас какой. Он своего не упустит, хоть и знает, что в дом ему заходить запрещено.

– Что, совсем? – спросил Маркби.

– Совсем. Рабочей собаке место на дворе.

– Ясно, – сказал Маркби. Его не удивило, что овчарку не пускали в дом. Эта громадная и, как казалось Маркби, полудикая зверюга мигом запачкала бы своими грязными лапами эту безукоризненно чистую кухню. Отключив в сторону Маркби широченный, обтянутый нейлоном зад, миссис Уинтроп сунулась в жерло печи и вытянула на загнетку поднос с золотистыми, душистыми ячменными лепешками. Перехватив поднос поудобнее, она поставила его на стол.

– Алан, надеюсь, ты не откажешься от чашечки кофе с горячими лепешками?

– Да никогда в жизни! – убежденно сказал Маркби. Рот у него уже наполнился слюной.

Миссис Уинтроп осталась довольна ответом.

– Так я и думала. Джесс, девочка моя, ну что ты там стоишь, как бедная родственница? Займись лучше делом, свари кофе!

Девушка проскользнула в кухню так же тихо и незаметно, как это сделала бы овчарка, если бы ей представилась такая возможность. Маркби с любопытством наблюдал за ней. Стараясь не встречаться с ним взглядом, она выдвинула один из ящиков большого валлийского буфета и принялась доставать чашки. Почему она совсем не смотрит на него? Она настолько скромная или ей отчего-то неловко? Как там сказал Стив – какое-то нервное расстройство?

Миссис Уинтроп поставила на стол тарелку для Маркби и банку домашнего варенья.

– Вот если бы ты, Алан, приехал на полчаса пораньше, то застал бы на месте и Алвина, и моего мужа. Но если ты не прочь прогуляться, я могу рассказать, как добраться до поля, на котором они сейчас работают.

Он разорвал одну лепешку пополам – она была такой горячей, что обжигала пальцы, – и густо намазал ее маслом. Оно сразу растаяло и впиталось в рассыпчатое тесто, передавая ему свой соблазнительный блеск.

– Да ничего страшного. Я могу снова заехать. Или если кто-нибудь из них будет в городе и найдет минутку для того, чтобы наведаться ко мне в участок... – неразборчиво отвечал Маркби, расправляясь с лепешкой.

– Они оба собираются в город в четверг – погонят овец на продажу. Но на рынке всегда такая круговерть, что у них, наверное, и секунды свободной не будет. Они вряд ли смогут к тебе заехать. У тебя к ним что-то срочное?

– И да и нет. Мне необходимо задать им – и вам – несколько вопросов. Это только формальность, но без них в нашем деле не обойтись. Вы же слышали, что на строительном участке, там, где раньше стояла Одинокая ферма, был обнаружен труп?

Девушка неуклюжим жестом поставила перед ним чашку кофе – часть напитка выплеснулась на скатерть-клеенку.

– И откуда у тебя только руки растут! – сказала ее мать, вытирая стол. – На брюки-то хоть не попало, а, Алан?

– Нет... не попало. Все в порядке. Спасибо за кофе, Джессика. У вас необыкновенно вкусное варенье, миссис Уинтроп. – Не терзаясь угрызениями совести, он принялся за вторую лепешку. Он подозревал, что через некоторое время у него может начаться несварение

– но разве гипотетическое несварение может заставить отказаться от соблазна, находящегося так близко под рукой! Соблазна, принявшего вид божественного черносмородинного варенья, темного, словно полночь, и такого густого, что оно слезало с ложки одним плотным куском и его нужно было раздавливать на поверхности лепешки.

– Я дам тебе банку с собой – у нас этого варенья невпроворот. Черная смородина в прошлом году хорошо уродилась, просто на удивление. Да, скверное это дело – я имею в виду убийство на стройке. Значит, это ты ищешь убийцу?

– Ну да. Ну то есть не только я, но я веду это расследование. Поэтому я к вам и заявился. Скажите, вы, случайно, не заметили ничего необычного в пятницу вечером или ночью? Может быть, вы видели машину. Или слышали голоса. В таком роде.

– Бог с тобой, Алан, я сплю как убитая! – не замечая каламбура, ответила миссис Уинтроп.

– А вы, Джессика?

– Я сплю не очень хорошо, – пробормотала девушка. – Но я ничего не слышала. Виски не лаил – а он бы почуял постороннего.

Она резко замолчала и посмотрела на Маркби затравленным взглядом. «Смотрит так, будто ее только что поймали за каким-нибудь недозволенным или предосудительным занятием», – подумал Маркби.

– Чертова псина, – присовокупила миссис Уинтроп в своей обычной безапелляционной манере.

– Я бы хотел показать вам одну фотографию, – осторожно сказал Маркби. Он перевел взгляд с дочери на мать и обратно. – Посмотрите? Мне не хотелось бы вас расстраивать – да и, сказать правду, ничего страшного в этой фотографии нет, – но мы пытаемся выяснить личность убитого.

– Вот как? – Миссис Уинтроп посмотрела на дочь. – Ну давай поглядим, коли так.

Маркби достал фотографию и отдал ее миссис Уинтроп. Пошарив в кармане комбинезона, она извлекла оттуда очки, водрузила их на нос и некоторое время внимательно изучала фотографию, держа ее на расстоянии вытянутой руки.

– Нет, не знаю, кто это. Никогда этого парня не видела, – наконец сказала она. Поколебавшись, она протянула фотографию дочери. – Ты тоже погляди, Джесс. И то правда – бояться тут нечего.

Девушка с опаской взяла фотографию. Маркби уставился в пол. Ему стало стыдно своей работы, как в те моменты, когда ему приходилось иметь дело с родственниками погибших людей. Наверное, он казался им настоящим чудовищем. У этой девушки явно не все в порядке... Ну, сказать, что у нее не все в порядке с головой, значило бы сильно приврать, но все же с нервами у нее не так хорошо, как могло и должно было быть. Интересно, она наблюдается у врача? В таком состоянии ей бы это не помешало.

Однако ей удалось сохранить спокойствие – или только его видимость, Маркби не мог решить. Она мельком взглянула на фотографию и протянула ее Маркби.

– Я не знаю, кто это.

– Ясно. Но все равно, спасибо за то, что не отказались посмотреть. – Маркби спрятал фотографию и вернулся к своему кофе. Он и не ожидал, что они опознают убитого. Он вдруг остро осознал, что побеспокоил их зря и без всякой пользы для расследования. Кроме всего прочего, из-за него у девушки опять может случиться нервный срыв. Его переполнило чувство вины.

– Если Джесс тебе больше не нужна, – не так громко, как раньше, но по-прежнему с сержантскими интонациями в голосе сказала миссис Уинтроп, – то пускай уж идет чистить своего пони. Она как раз собиралась этим заняться, когда ты появился.

– Ах да, конечно... Извините, что оторвал вас от работы, Джессика.

– Ничего... – Девушка неуклюже встала и почти выбежала из кухни.

Миссис Уинтроп помешала кофе, наблюдая за воронкой, образовавшейся на его черной поверхности.

– Ей сейчас намного лучше, чем когда она только вернулась домой. Год назад это было.

– Она ведь училась в университете, я не ошибаюсь?

– Да, в педагогическом. Получила диплом, прошла практику, устроилась на работу. Но она всегда была немного нервной, с самого детства, а когда заболела, ей пришлось бросить работу и вернуться домой. Но сейчас ей уже лучше.

– Жаль. Джессика хорошая девушка. Хорошо, что она поправляется. Так вы говорите, Алвин в четверг будет на скотоводческом рынке?

Он был посторонним, вторгшимся в чужие владения. Казалось бы, он столько лет работал полицейским, его уже давным-давно должны были перестать волновать такие вещи. Но здесь он вмешивался в личное, семейное горе, а это не соответствовало его понятиям о вежливости и хорошем тоне.

– Так и есть.

– Если я до того времени не заеду к вам или он не выберется ко мне в участок, я поговорю с ним на ранчо. – Мысль о том, чтобы посетить Серую ферму еще раз, больше не наполняла его радостным ожиданием.

– Я скажу ему. Ты же и с Джорджем хочешь поговорить? Показать им эту фотографию?

– Да.

– Ну, я им скажу. – Она поднялась со стула – крепкая, деловитая, суровая старуха. – Пойду принесу тебе варенья.

На ферме Уитчетт Маркби ожидало гостеприимство совсем другого рода. Миссис Кармоди вышла его встречать к самым воротам. На ней были мужские вельветовые брюки, чудесный свитер ручной вязки со сложным узором и длинный красный шарф. Небрежный мазок алой помады отмечал ее губы, а волосы были сколоты на макушке способом, который в деревнях называют «коврига». Некоторые пряди выбились из прически и свободно висели по сторонам лица.

– Алан, здравствуй, трудяга! – приветствовала она его оглушительным баритоном. – Приехал расспрашивать про мертвеца?

– Ну да. Ничего от вас не скроешь, миссис Кармоди. Я не отниму у вас много времени.

– Времени? Отнимай сколько хочешь – мне его все равно девать некуда. Пойдем!

Миссис Кармоди провела его не в кухню, а в не слишком хорошо прибранную гостиную, где уже помещались спаниелиха, две кошки и чересчур много мебели. В камине весело трещал огонь, отбрасывая отблески на тщательно отполированную решетку и набор бронзовых каминных принадлежностей, состоящий из кочерги, щетки, щипцов и лопатки.

– Сколько лет уж таких вещей не видел! – воскликнул Маркби.

– Они старше меня, – сказала миссис Кармоди. – Я еще маленькой девочкой была, а они уже тут стояли. Помню, я с ними играла. – Она согнала с дивана кошку и от души хлопнула ладонью по подушкам, подняв при этом целую тучу из пыли и шерсти: – Садись! Я тебя ждала, – продолжила она после того, как он уселся, погладил собаку и предпринял безуспешную попытку примириться с лишившейся своего места кошкой.

– В самом деле? А почему? – с интересом спросил Маркби.

– Рано или поздно кто-то из ваших должен был прийти и начать задавать вопросы, разве нет? Но я ждала одного из твоих помощников, а не тебя собственной персоной. Мне очень лестно, что ты считаешь меня достойной личного визита!

– Иначе и быть не могло – вы же знали меня еще мальчишкой, – с улыбкой сказал Маркби. – Мне очень приятно вас навестить, несмотря на то что повод для приезда сюда у меня далеко не радостный. Как у вас со здоровьем, Долли? Держитесь?

– Да чего мне сделается. Кашляю только в холодные месяцы. Старею, что тут сделаешь. Скоро и на свалку пора.

– Вам? Ни в жизнь не поверю, что вы и правда так думаете! – решительно открестился Маркби, и миссис Кармоди оглушительно расхохоталась.

Тем временем Маркби вытащил фотографию и протянул ей.

– Это мертвец? Извини, Алан, я не знаю, кто это. Никогда его раньше не видела. – В ее голосе слышалось искреннее сожаление. Нахмурившись, она еще раз взглядела в фотографию. – Нет, не видела. – Она покачала головой, и из «каравая» сбежала очередная прядь волос. – Не знаю.

– Не видели никого, хотя бы отдаленно напоминающего человека на фотографии? При жизни он наверняка выглядел несколько по-другому.

Миссис Кармоди возвратила Маркби фото и теперь смотрела на него задумчивым взглядом.

– Нет, но на прошлой неделе кто-то бродил вокруг фермы.

– Да? – Он непроизвольно подался вперед. Наконец-то!

– Но я его не видела! Ну, то есть почти не видела. Это произошло – дай-ка вспомнить – в прошлый четверг. В тот вечер я что-то засиделась у телевизора и отправилась спать позже обычного. Только я заснула, как вдруг меня будто что-то толкнуло. Я проснулась и услышала, что лошади беспокоятся: храпят и переступают копытами в своих стойлах. Это не мои животные. Я уже давно никого не держу для себя. Но я сдаю пастбища в аренду, и некоторые владельцы оставляют лошадей у меня на конюшне. Я их чищу, кормлю – в общем, хожу за ними. Мне это не в тягость, к тому же почти каждый день ко мне приходит Джессика Уинтроп и помогает. Бедняжка, у нее совсем жизни нет. Понимаешь, о чем я?

– Да, я только что был на Серой ферме... – Его основной целью сейчас было удержать рассказ миссис Кармоди в нужном русле, но без лирических отступлений, кажется, было не обойтись. – И вы подумали, что на ферму пришел посторонний?

– Я встала и накинула свой старый халат. Вообще-то в таких случаях надеются на собак, но моей старушке, – она потрепала спаниеля за ушами, – уже четырнадцать лет, и она глухая как пень. Нечего было и ждать, что она что-то почует! Я высунулась из окна. Если ты помнишь, в прошлый четверг была довольно ясная ночь. Но какая бы она ни была ясная, все равно это ведь ночь – темно, ничего не видно. Я заметила, как в дальнем углу двора метнулась тень. Я закричала, спросила его – кто бы он ни был, – чего ему тут надо, и он исчез. Я оделась как следует, нашла фонарь и сходила на конюшню проверить лошадей.

– Долли, это могло быть опасно, – с некоторым беспокойством сказал Маркби. Ей, скорее всего, уже больше шестидесяти.

– Алан, если бы я боялась жить здесь одна, то переехала бы в город! Я живу тут всю свою жизнь. У родителей я была единственным ребенком. Когда я нашла себе мужа, он переехал сюда, и мы все вместе работали на ферме. Потом старики ослабели, и мы справлялись сами. Я покину это место только ногами вперед! В любом случае ворота конюшни были закрыты, не было видно никаких признаков того, что кто-то пытался залезть к лошадям. Поэтому я подумала, что это был какой-нибудь бродяга, который искал сарай для ночлега или курицу для позднего ужина. С тех пор как пошли эти строгости насчет сальмонеллы, их у меня осталось всего совсем мало, да один старый петух. Простым людям сейчас нет смысла разводить кур, чтобы продавать мясо или яйца: возни много, а толку мало – весь рынок занят большими птицефабриками. Но для себя я держу нескольких. Люблю, знаешь ли, яичницу из свежих яиц. Но переполоха они не устроили. Если бы это была лиса, петух бы всех в округе на уши поднял. Так что это точно был человек – но я не смогла его рассмотреть. Только и видела что тень.

– А потом никто не приходил?

Миссис Кармоди отрицательно покачала головой.

Маркби убрал фотографию в портфель. Шаг вперед, два шага назад. Но все равно это ниточка, хотя больно уж тонкая.

– Спасибо, – сказал он. – Вы нам очень помогли.

Миссис Кармоди встала с дивана и подошла к чудесному буфету в раннем викторианском стиле. Она открыла дверцу и взяла оттуда квадратную бутылку.

– Мне кажется (поправь, если ошибаюсь!), что тебе не помешает капелька-другая виски. Только не говори мне, что ты при исполнении. Тут никого, кроме нас двоих, нет – а я уж точно плесну себе порцию.

– Э... ну хорошо, не скажу. – С радующим сердце бульканьем янтарная жидкость потекла в стакан.

– За мертвеца – кем бы ни был этот бедняга! – провозгласила миссис Кармоди. – До дна!

– Начальник взял на себя фермы, а мне оставил строителей, – сказал сержант Пирс жене-контреблю по фамилии Джонс.

– Значит, возвращаешься на стройку? – спросила Джонс. – Не забудь резиновые сапоги.

– Надеюсь, начальник их тоже не забыл! – улыбнулся Пирс.

Приехав на стройку, он было подумал, что все возвратилось на свои места, но скоро обнаружил, что такое впечатление – не более чем иллюзия. Вокруг места, где было найдено тело, по-прежнему была натянута желтая полицейская лента. Никто и близко к нему не подходил – и не из-за того, что строители уважали распоряжения полиции: для них это место стало запретным, в самом древнем, священном смысле этого слова. Для племени, которое строило эти дома, ступить на эту землю означало навлечь на себя беду. Две тысячи лет назад оно было бы отмечено насаженными на палки черепами и завернутыми в тряпки подношениями, призванными умиротворить злых духов. Но сейчас рядом с траншеей лежала только пустая пивная банка и («Странно!» – нахмурившись, подумал Пирс) маленький букет бледно-желтых примул. Не строители же, в самом деле, принесли сюда цветы. А кто, в таком случае? Кто-то, кто бы знаком с убитым, но еще не связался с полицией, чтобы опознать его? Пирс мысленно отметил, что об этом необходимо доложить Маркби.

– Не представляю, что мы будем делать с тем участком! – сказал старший менеджер, которого Пирс застал в офисном вагончике. – Я сегодня говорил Ньюману, что скорее всего нам придется нанять другую бригаду рабочих. С этими мы далеко не уедем. Нет, адреса Дэйли не оставил. Сказал, что сам с нами свяжется. Бедняга был напуган до чертиков. Бежал отсюда так, что только пятки сверкали! Спросите лучше Риордана. Думаю, он сейчас у себя в вагончике. – Менеджер поколебался. – Но хочу сразу предупредить, что с ним нелегко иметь дело. Я не имею в виду, что он упрямый осел, как Герси, но... В общем, сами увидите. Чтобы он заговорил, вам придется его слегка прижать.

Пирс принял предупреждение старшего менеджера к сведению и направился к скоплению жилых вагончиков, неуклюже ковыляя в резиновых сапогах, надетых специально для передвижения по стройке. Ночью прошел сильный дождь, земля размокла, и теперь липкая, жирная глина приставала к подошвам. Она все налипала и налипала, пока сапоги не стали настолько тяжелыми, что идти в них было практически невозможно. Пирс подумал, что, наверное, выглядит очень комично. Чертова стройка.

Древние, насквозь ржавые жилые вагончики представляли собой жалкое зрелище. На протянутых между ними веревках сохло белье. Всюду, так что пройти было негде, стояли выдавшие виды автомобили, принадлежащие, по-видимому, строителям. По земле были разбросаны пивные и консервные банки, пластиковые бутылки, пустые картонные коробки. Попадались рваные мусорные мешки, из которых высыпалось содержимое. Чуть в стороне стоял одинокий сортир. Оттуда несло нестерпимой вонью. Пирс сморщил нос и с отвращением сплюнул.

Как видно, такое положение дел не нравилось не только Пирсу. До его слуха донеслась яростная перебранка.

– Что вы тут за свинарник развели?! – орал кто-то. – Черт побери, неужели так сложно это все убрать и впредь выбрасывать мусор в контейнер?!

С замиранием сердца Пирс понял, что голос принадлежит Джерри Герси. Он надеялся поговорить с Риорданом раньше, чем прораб узнает, что полиция вернулась на его участок.

– А мне какое дело? Я вам что, дворник? Это не входит в мои обязанности!

В ответ Герси разразился такой тирадой, что даже Пирс, который за свою жизнь наслушался разнообразных словесных «загибов», моргнул и пробормотал:

– Ничего себе!

Завернув за угол, он чуть не налетел на прораба. Тот стоял уперев руки в бока и с негодованием глядел сквозь очки в роговой оправе на Риордана, стоящего в дверях своего вагончика – вагончика, в котором жил и Дэйли, пока не сбежал неизвестно куда. Риордан оказался здоровенным краснолицым мужчиной с мощными, покрытыми татуировкой плечами и пивным животом. Он был одет в вытертые вельветовые брюки и грязную белую майку. На его открытой груди чернела буйная растительность.

Они оба как по команде уставились на Пирса. Герси сплюнул.

– Вы по чью душу – мою или его? – спросил Риордан, показав на Герси презрительным кивком.

– По вашу, мистер Риордан. Пожалуйста, уделите мне несколько минут, – вежливо сказал Пирс.

– Ну конечно! Всегда рад помочь полиции! – с готовностью ответил Риордан. У Пирса, однако, возникло стойкое подозрение, что строитель сказал неправду. Риордан жестом пригласил Пирса зайти в вагончик.

Герси что-то проворчал и пошел прочь.

– Этот тип, – сказал Риордан, – настоящий ублюдок. Больше его никак и назвать нельзя. Еще и тупой как пень. Имеет наглость считать себя прорабом! Я бы справился с его работой раз в сто лучше, причем одной левой – правую можете мне за спину привязать. Сапоги только снимите, прежде чем заходить.

Пирс с радостью избавился от тяжелой обуви и вошел в вагончик. Внутри было тепло и относительно чисто.

– Пожалуй, я сделаю чай, – сказал Риордан. – Добавить вам в чашку капельку чего-нибудь?

– Нет, спасибо, – отказался Пирс. – Я выпью просто чаю. Я пришел поговорить с вами о Шоне Дэйли.

– Он уехал, вам разве не сказали?

– Да, совсем недавно сообщили. Вы, случайно, не знаете, куда он направился?

– Нет, – ответил Риордан и больше ничего не добавил.

На маленькой газовой плитке запыхтел чайник. Риордан снял его и наполнил керамический заварник, помешал кипятком столовым ножом без ручки, разлил чай в две большие кружки.

– А он не говорил, что собирается уезжать? – Пирс взял протянутую кружку. – Ему было велено держаться поблизости. Мы собирались его еще раз допросить. Ведь это он обнаружил тело.

– Да, и чуть с катушек из-за этого не съехал, – сказал Риордан. Достав плоскую фляжку, он щедро плеснул из нее себе в кружку. В воздухе сильно запахло виски. – Мучился от кошмаров. Несколько раз принимался вопить во сне. Совсем мне заснуть не давал. Сам-то я сплю очень чутко, просыпаюсь от малейшего шороха.

– У него есть где-нибудь родственники, к которым он мог отправиться?

– Вообще-то он из графства Корк, – сказал Риордан.

– Вы имеете в виду, он вернулся в Ирландию?

– Ничего я не имею в виду. Может, и да, а может, и нет. В чужую голову не влезешь.

– Значит, здесь, в Англии, ему ехать было некуда?

– Я же уже сказал: он из графства Корк.

– Черт! – мрачно сказал Пирс, рассеянно отхлебнул из кружки и воскликнул уже более эмоционально: – Черт! – Он обжег язык.

– Что, горячий? – сочувственно спросил Риордан. Кружка застыла в его огромных руках, покрытых синими венами, сливающимися с узором татуировки. Он медленно поднес ее ко рту и не моргнув глазом ополовинил одним глотком.

«Глотка у него просто луженая, – подумал Пирс. – А метод общения с полицией так вообще железобетонный».

– А у него есть друзья на стройке? Не было такого, чтобы он общался с кем-нибудь из строителей больше, чем с остальными?

– Да ни с кем он особо не дружил, – ответил Риордан. – Он тихий парень. Ну, играли мы с ним иногда в карты, когда шел дождь и на улицу нельзя было вылезти.

– Он ничего не оставил? – Пирс осмотрелся. – Никаких личных вещей, одежды, писем, другой корреспонденции?

– Нет, – сказал Риордан.

– Значит, вам нечего мне сказать?

– Могу сказать вот что: скоро кто-нибудь свернет Джерри Герси его кривую уродливую шею. Я его уже даже видеть не могу, и все остальные ребята тоже. И поделом ему будет.

– Может, и поделом, – неосторожно вырвалось у Пирса. Он смутился и поспешно добавил: – Но я спрашиваю не о Герси, а о Шоне Дэйли.

– Нет, про него мне вам нечего сказать, – невозмутимо отозвался Риордан.

Пирс поставил кружку на стол и поблагодарил Риордана, следя за тем, чтобы его тон при этом был как можно менее ироничным.

– Да всегда пожалуйста, – сказал Риордан.

– Кстати, – сказал Пирс, который задержался в дверях, чтобы впахнуть ноги в облепленные грязью сапоги, – вы вроде говорили, что спите очень чутко и просыпаетесь от малейшего шороха. А в пятницу ночью вы не слышали шум двигателя или еще что-нибудь, что указывало бы на то, что на стройке находятся посторонние люди?

– Вы понимаете, в чем дело... – Риордан задумчиво поскреб густую шерсть на груди и замолчал.

– Да?

– Это, конечно, странно, но я ничего не слышал.

– Неудивительно, что начальник решил поехать к фермерам, – пробормотал Пирс, надел свои сапоги и побрел прочь.

Когда тем вечером Маркби возвращался домой, идея позвонить Мередит и позвать ее в Бамфорд почему-то уже не казалась ему абсурдной. Он не знал толком, почему передумал, но никак не мог избавиться от мыслей о Джессике Уинтроп – несчастной, одинокой девушке, для которой родительская ферма стала тюрьмой. Чувство, что он, посторонний человек, не имел никакого права влезать в жизнь Уинтропов, не проходило. Маркби убеждал себя в том, что он просто выполнял свою работу, но это плохо помогало. Если он не побережется, это дело засядет у него в печенках. Кроме всего прочего, оставалась еще Лора и ее пустой дом. Он поступит по-свински, если хотя бы не попытается ей помочь. Мередит ведь ему ничего не должна и всегда может отказаться. Что она, скорее всего, и сделает.

Но она не отказалась. Она прямо-таки вцепилась в его предложение.

– По правде говоря, Алан, я бы с радостью приехала на несколько дней. У меня свободна вся следующая неделя – а потом пасхальные каникулы. Почему свободна? Долгая история, расскажу при встрече. Когда, ты говоришь, Лора уезжает?

– В субботу ранним утром. Хочет отбыть уже в пять тридцать. Не знаю, как у нее это получится. Представляешь, ни свет ни заря, с четырьмя детьми и грудой вещей, вытаращив глаза нестись по шоссе, чтобы успеть на десятичасовой паром?

– Ну тогда я приеду в субботу, только попозже, часов в одиннадцать.

– В одиннадцать я, скорее всего, буду у себя в участке. У нас сейчас запарка на работе. Так что, боюсь, свободного времени у меня будет очень немного, – сказал он и сам подивился собственному коварству. Он отлично знал, что она скорее решится приехать, если будет думать, что он сильно занят и не будет путаться под ногами. – Ключи от дома будут у меня, поэтому подъезжай прямо к участку. Я их тебе отдам.

– Хорошо. Ну, значит, в субботу увидимся.

Он положил трубку, еще не веря своей удаче.

Глава 6

– Берегись дерьмовоза!

Маркби проворно отпрыгнул в сторону и только этим избежал опасности быть раздавленным. Мимо него сквозь узкие ворота, ведущие на Бамфордский скотоводческий рынок, проехал грузовик с длинной цистерной, на которой большими синими буквами было написано: «Вывоз жидких отходов». По четвергам в Бамфорде всегда было шумно илюдно. С самого утра город наводняли разнообразные транспортные средства для перевозки скота – от скромных фургонов до больших двухъярусных грузовиков. Вся территория рынка была поделена железными заборами на загоны, в каждом из которых содержался определенный вид животных. В центре располагалась крытая аукционная площадка. Это было очень похоже на игрушечную ферму, какая была у Маркби в детстве, но только здесь уши закладывало от непрерывного блеяния, мычания, визга и грохота металлических створок. Раздался оглушительный топот копыт – это из очередного грузовика выгоняли телят. Сбегая по откинутому в виде пандуса заднему борту, они сталкивались друг с другом, пугаясь криков и пронзительного свиста направлявших их скотников. В другом месте уже прошедших аукцион животных, наоборот, загоняли в грузовики. Некоторые из их – возможно, повинувшись инстинкту самосохранения – пытались сбегать, но их тут же умело окружали, ловили и препровождали навстречу ожидавшей их участи – какой бы она ни была. Над всей этой суматохой ревел громкоговоритель, по которому уже в десятый раз объявляли, что тот, кто поставил свой «лендровер» у входа на рынок, должен немедленно отогнать его на парковочное место и освободить проезд.

Прижавшись спиной к забору, увешанному рекламой разнообразных сельскохозяйственных продуктов, Маркби дал дорогу высокому парню в запачканном белом комбинезоне и огромных резиновых сапогах, который гнал перед собой угрюмого, заляпанного грязью быка. Однако быки Маркби не интересовали – он искал овец. Где овцы, там и Уинтропы, отец и сын. Тут мимо него прошел здоровенный бородатый фермер. Он толкал перед собой средних размеров тележку с цепными бортами, в которой ехало три черномордых овцы – две стояли, а одна неподвижно лежала на подстилке. Маркби направился в том направлении, откуда он появился.

Его путь лежал сквозь толпу буколических фигур: мимо крепких стариков в фетровых шляпах и вязаных свитерах под твидовыми пиджаками; узколицых мужчин со скулами будто из телячьей кожи, в непромокаемых плащах и резиновых сапогах; жизнерадостных женщин с розовыми щеками, в удобной обуви, с убранными по-деревенски волосами; мужчин, похожих на гвардейских офицеров в отставке, – скорее всего, они ими и были – и других мужчин, будто выросших из земли, которую их семьи обрабатывали в течение многих поколений. Многие приветствовали его. Они знали его не только как представителя сил охраны правопорядка, но и как местного жителя, чья семья владела здесь землей. Они продали ферму целое поколение назад, но на селе память живет долго. Ощувив укол вины, Маркби подумал, что его родители были одними из первых, кто поддался соблазну и уступил землю застройщикам. Только теперь он со стыдом понял, что его высокопарные тирады в разговоре со Стивом в действительности звучали довольно фальшиво.

Овечий загон находился в дальнем углу рынка, но Маркби увидел Ал вина Уинтропа издали – даже в толпе трудно пропустить детину под два метра ростом, на голове которого пылает такой костер, что глазам больно. Рядом маячила тяжелая фигура его отца. Он был гораздо ниже Алвина, но брал свое дородностью. Старший Уинтроп крепко уперся в землю ногами, расправил мощные плечи и стоял нерушимо, словно борец сумо перед схваткой.

– Алвин! – позвал Маркби, стараясь перекричать рыночный шум.

Алвин повернулся и махнул рукой, приглашая присоединиться к ним.

– Я так и думал, что мы тебя тут увидим, – дружелюбно сказал он, когда Маркби приблизился. – Мама предупредила, что ты можешь здесь появиться. – Он обратился к отцу: – Папа, Алан пришел поговорить с нами насчет того убийства!

– А, которое на стройке-то! – басом произнес Уинтроп-старший и переступил слоновими ногами. – Ну, как движется расследование? Все носится кругами, так, что ли?

– Да вроде того, – откровенно признался Маркби. Он порылся в карманах, вытащил фотографию, уже довольно потрепанную, и, помня о необходимости проявления уважения к старшим, протянул ее Уинтропу-отцу.

Прежде чем высказаться, тот сдвинул свою какую-то чрезвычайно древнюю шляпу на затылок и зацепился большим пальцем за ворот жилета. Массивная золотая и, возможно, представляющая антикварную ценность цепь пересекала его обширный живот, исчезая в жилетном кармане для часов. В честь ярмарки он надел галстук: мятую тканевую полоску неопределенного возраста, охватывавшую отвислые складки пониже щек, похожие на собачьи брылы, и тем самым отмечавшую место соединения головы с плечами – за неимением лучшего, оно могло сойти за шею. Он отодвинул фотографию на расстояние вытянутой руки и со вниманием вгляделся в нее. В его огромной лапище она визуально уменьшилась до размеров почтовой марки.

– Так, значит, это он! – произнес глубокомысленным и даже несколько загадочным тоном. После минутного молчания он добавил: – Знать не знаю, кто этот бедняга.

Он передал фотографию сыну и засунул за жилет второй большой палец. Алвин был одет гораздо лучше отца – на нем был относительно новый твидовый пиджак, очевидно приберегаемый для особых случаев, вроде ярмарки. Некоторое время он молча глядел на фотографию, затем серьезно сказал:

– Странно, наверное, снимать мертвого человека, да, Алан? Это же фотография мертвеца, верно?

– Верно. Мы все никак не можем установить его личность.

Алвин покачал головой и отдал фотографию Маркби.

– Жаль, что мы ничем не смогли помочь.

– Ну все равно спасибо вам. Отсутствие результата – тоже результат. – Маркби спрятал фотографию в карман. – Как цены на овец?

– Падают! – не задумавшись ни на секунду, хором ответили отец с сыном.

– Печально это слышать. В следующем году попытаетесь заняться чем-нибудь еще?

– Занимались картофелем, – сказал Уинтроп-старший. – Цены упали. Занимались коровами. Цены упали. Думаю, продолжим разводить овец. – Он потянул за цепь и извлек из кармана золотые часы с крышкой, посмотрел на циферблат и убрал их обратно.

Алвин посмотрел на отца, открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал и промолчал. Он отвернулся и прислонился к металлическим воротам. Овцы с другой стороны тут же задрали вверх морды, будто в ожидании, что он сейчас скажет им речь. Уинтропа-старшего отозвал в сторону знакомый. Маркби подошел к Алвину и тоже прислонился к воротам.

– Нелегко в наши дни заниматься сельским хозяйством, – сказал он, чтобы завязать разговор.

– Это еще слабо сказано! Послать бы всю эту каторгу к чертям собачьим! – Алан снял кепку, пригладил волосы и снова надел ее. – Ты извини, что я ругаюсь. Беда в том, что мир не стоит на месте, а папа и слышать не хочет ни о каких переменах. Его отец пахал землю и пас скот, и дед тоже... Он просто не представляет себе другой жизни, без Серой фермы. Даже если мы начнем работать себе в убыток – а до этого, поверь, совсем недалеко.

Вспомнив о том, что говорил по этому поводу Стив Уэзерол, Маркби осторожно спросил:

– Будь твоя воля, ты бы все бросил?

– Ничего я не брошу, пока старик жив. Его инфаркт хватит, если я вдруг заявлю, что пакую вещички и уезжаю. Он не справится один. Мать тоже потихоньку стареет. Даже если

я уеду, они будут продолжать пытаться жить по-старому. Надрываться на ферме. Ничего с этим нельзя поделать. Я не могу их бросить. – В его голосе прозвучала нотка непритворного отчаяния.

Маркби опять стало неловко. Похоже, со всеми Уинтропами так: в конце концов у тебя возникает чувство, что ты нахально лезешь не в свое дело и бредишь открытую, кровоточащую рану.

Но Алвин опять заговорил. Видимо, у него много накопилось на душе, а поговорить совсем не с кем – и поэтому, раз начав, он уже не мог остановиться.

– Я не виню Джейми за то, что он уехал. Он использовал свой шанс. Это хорошо, я желаю ему всяческого счастья и процветания. Но понимаешь, это ведь значит, что я-то обязан был остаться. И ведь есть еще Джесс. Разве это жизнь для такой девушки, как она? Она ездит на ферму Уитчетт и много времени проводит там с Долли Кармоди, но у нее совсем нет друзей ее возраста.

– Алвин, ты никогда не думал о том, что тебе стоит жениться? – спросил Маркби, сам удивившись своему вопросу.

– А мне есть что предложить женщине? Говорю тебе, Алан, если бы это решал я и мне предложили приличную цену за землю... – Он замолчал и яростно пожевал нижнюю губу, затем натянул кепку на глаза и бросил яростный взгляд на ни в чем не повинных овец. – Но это не мне решать. И потом, я еще не встретил ни одной женщины, которая согласилась бы выйти за меня замуж!

– Понятно, – сказал Маркби, потому что в общем-то сказать ему было нечего. – Выпьем как-нибудь вместе, Алвин?

– Почему же нет? Обычно я сижу в «Лисе и гончих». Меня там можно застать почти в любой вечер. Но это не значит, что я алкоголик и напиваюсь каждый день в стельку. Я одну кружку тяну целый час. Даже чертово пиво стоит денег, а их у нас нет.

– Ну, тогда увидимся в «Лисе и гончих»! – сказал Маркби и отбыл – и, как ему показалось, каким-то слишком уж быстрым шагом.

Когда в следующую субботу Мередит проезжала дорожный знак с надписью «Бамфорд – 5 км», ее грудь стеснило от радостного предчувствия. Ну и что в этом такого? Царило прелестное весеннее утро, хотя ветер и был слегка холодноват. Она могла бы и дальше ехать по автострате и свернуть с нее на широкое асфальтовое шоссе, но решила съехать на старую дорогу, пробиравшуюся к городу через поля и рощи. Совсем недавно покрывшиеся свежей листвой деревья качали ветвями в такт порывам ветра, которые так же сбивали с курса мелких птичек, заставляя их направлять свой полет вдоль самых неожиданных траекторий. Вдалеке по автострате грохотали грузовики, но за все время, пока Мередит ехала по этой тихой дороге, она обогнала только две легковые машины, трактор и велосипедиста.

Однако сейчас впереди показалась девочка на откормленном чалом пони. Проезжая мимо, Мередит сбросила скорость, и наездница помахала ей рукой в знак признательности за проявленную вежливость. Обернувшись, Мередит махнула ей в ответ. Это была не девочка, как решила вначале Мередит, введенная в заблуждение длинными светлыми волосами, хрупкой фигурой всадницы и тем, что под седлом у нее пони, а не настоящая лошадь, а взрослая девушка лет двадцати пяти. Вскоре всадница исчезла из виду, и Мередит забыла о ней, поглощенная мыслями о скорой встрече с Аланом.

Однако она тут же спохватилась, строго сказав себе, что это просто смешно – так этому радоваться. Каждая их предыдущая встреча заканчивалась тем, что Алан начинал предпринимать попытки поговорить, а Мередит пугалась, что их отношения вот-вот перейдут в «серьезную» фазу, и поскорее убиралась от греха подальше. Но возможность провести за городом,

далеко-далеко от офиса и унылой квартиры в Ислингтоне целых десять дней – это все-таки повод для восторга!

Да уж, квартира, которую сдал ей Тоби, и в самом деле нагоняла тоску. Тоби вечно жил где-нибудь за границей, и ему было совершенно наплевать на состояние своей лондонской берлоги. Когда Мередит там только поселилась, особыми достопримечательностями квартиры являлись буро-зеленые стены и пятно цвета засохшей крови на потолке в кухне. Первое время Мередит часто задавалась вопросом о его происхождении и пришла к выводу, что оно могло появиться в результате чего угодно – от несчастного случая с бутылкой кетчупа до ритуального убийства. В отчаянии она выкрасила кухню в кремовый и голубой цвета и повесила на окна дешевые, но жизнерадостные занавески. Однако она не смогла заставить себя потратиться на дальнейшее облагораживание чужой собственности, так что остальные комнаты так и остались унылого горчичного цвета с грязно-коричневым, покрытым царапинами деревянным полом.

Дорога изогнулась влево. Одновременно обзор Мередит перекрыл разросшийся кустарник и большой старый конский каштан. И Мередит едва не поплатилась за свою рассеянность. Повернув руль, она вдруг с ужасом увидела на дороге, не далее чем в нескольких метрах впереди машины, множество овец – целые сотни, как ей показалось на первый взгляд. Курчавое море расплескалось во все стороны, его нельзя было ни объехать, ни пересечь.

В отчаянной попытке избежать столкновения Мередит ударила по тормозам и вывернула руль. Автомобиль бросило к обочине и вынесло на крутой травянистый склон. Он зацепил бортом кусты, набрал в днище пырея и чертополоха и нацелился носом на толстый ствол конского каштана. Так как скорости у него оставалось еще порядочно, столкновение казалось неминуемым. Мередит бросила руль и вскинула руки, чтобы защитить лицо.

Толчок – и машина вдруг остановилась, двигатель кашлянул и заглох. Мередит отняла руки от лица и, ничего не понимая, посмотрела вперед сквозь ветровое стекло. Каким-то чудом вместо того, чтобы врезаться в дерево, автомобиль замер, не доехав до него нескольких сантиметров. Его нос был задран вверх под опасным углом.

Мередит машинально потянулась к ручному тормозу. Вокруг стало как-то чересчур тихо, даже блеяние овец доносилось будто издалека. Вдруг дверца с ее стороны распахнулась, на фоне яркого света возникла темная мужская фигура.

– С вами все нормально? – услышала Мередит.

Она повернула голову и испуганно вскрикнула – всего в нескольких дюймах от себя она увидела мужчину, серые глаза его смотрели на нее вопросительно и не слишком дружелюбно. Ответила она не сразу, поскольку непроизвольно отвлеклась на его рыжую шевелюру.

– Да, все в порядке, – наконец сказала она прерывающимся голосом. Взяв себя в руки, она добавила – более спокойно, но с ноткой тревоги в голосе: – Надеюсь, я не сбила овец?

– Не сбили. Но чуть было не врезались в этот каштан. – Говоря так, он отступил на шаг от дверцы и выпрямился.

Мередит высунулась из машины, чтобы осмотреться, и обнаружила у себя перед носом ноги, обутые в коричневые резиновые сапоги. Подняв глаза, она вновь встретила с суровыми серыми глазами пастуха.

– Кажется, – начала она тонким голосом и затем, перестроившись, закончила контрольно: – Я смогу вернуться на дорогу, как только вы уберете оттуда своих овец.

– Подождите, – сказал он. – Сейчас я пошлю собаку отогнать первую партию назад.

Пастух спустился со склона – высокий крепкий мужчина в старом свитере, с пылающими в солнечном свете волосами. Он несколько раз пронзительно свистнул на разные лады. Овцы заматались и стали блеять громче. Время от времени между ними мелькало что-то черно-белое.

Пастух закричал ей:

– Все, можно двигаться! Отпустите тормоз и потихоньку сдавайте назад. Дорога свободна. Ну, давайте, только медленно!

Мерedit отпустила ручной тормоз, но ничего не произошло. Она запустила двигатель, включила заднюю передачу и попробовала опять. Ничего.

– Черт побери, я застряла! – в сердцах выругалась она. – Идиотские овцы!

Видимо, пастух ее услышал, потому что подошел к машине и наклонился к окну.

– Я вас столкну.

– Не надо! Я что-нибудь придумаю! – отрезала она.

– Вы просидите тут весь день, что-нибудь придумывая! – в тон ей сказал он. – Я либо столкну сейчас машину на дорогу, либо оставлю вас сидеть тут, а сам пойду заниматься своими делами.

К ее возмущению, он не предоставил ей возможности ни отказаться, ни поблагодарить. Не дожидаясь ответа, он обошел машину, уперся плечом в радиатор и стиснул зубы. От усилия у него на шее выступили вены.

– Не обвиняйте потом меня, если что-нибудь себе порвете! – пробормотала Мерedit.

Наверно, пастух обладал очень острым слухом, потому что он поднял голову и через ветровое стекло смерил ее презрительным взглядом.

Автомобиль покачнулся и неожиданно покатился назад. Спohватившись, она нажала на тормоз и мягко спустила его на дорогу. Он встал носом в нужном направлении, будто ничего и не произошло.

Овцы почувствовали, что им больше ничто не угрожает, и снова высыпали на дорогу. Обступив машину, они стали блеянием выражать свое недовольство создавшейся задержкой. Мерedit заглушила двигатель и, с третьей попытки открыв дверцу, которая все упиралась в мохнатые овечьи тела, вышла из машины. Овцы окружили ее и уставились круглыми любопытными глазами. Она вспомнила, что эти животные вовсе не такие тупые, какими их принято считать. При желании в глубине их фарфоровых глаз можно разглядеть коварство и даже будто бы жестокость. И еще они не такие уж и слабые. Одна из них без труда вскочила на стоящую недалеко от дороги невысокую каменную стену, спрыгнула с другой стороны и исчезла из виду.

Пастух возвратился в сопровождении овчарки самого злобного вида, какую только можно представить. Она подбежала к Мерedit, поглядела на нее не предвещающим ничего хорошего взглядом и присела на задние лапы, демонстрируя совершенно неискреннее раболепие – настоящий диккенсовский Юрайя Хип на четырех лапах. Пастух свистом отозвал ее, и она, не теряя своего разбойничьего вида, скрылась среди овец.

– Спасибо вам за помощь, – сказала Мерedit, решившая с самого начала направить разговор в нужное русло. – Я рада, что не переехала ни одну из ваших овец, но хочу сказать, что, если бы это случилось, в том не было бы моей вины. Вам не следовало так перегораживать дорогу.

– А никто и не говорит, что я бы на вас это повесил. Но с другой стороны, в наших краях много овец и других животных – и не только моих, кстати, и их приходится перегонять через эту дорогу. В последние годы по ней почти никто не ездит. Вам следовало двигаться помедленнее.

– Я и так ехала небыстро!

– Куда направляетесь? В Бамфорд? – Он нахмурился – крупный, опасного вида мужчина. – По новой автостраде было бы быстрее.

Мерedit окончательно разозлилась и решила поставить зарвавшегося пастуха на место.

– Слушайте, может, вы тут и пасете скот, но дорога находится не в вашем владении. Где хочу, там и езжу. Я только что из Лондона, и от автострад меня уже мутит.

– Из Лондона? – Рыжеволосый гигант сразу перестал пререкаться. На мгновение на его лице появилась задумчивость, почти тоска. Затем он снова впился в нее взглядом, открыто и без всякого смущения составляя о ней свое мнение. Не спеша оглядев ее с головы до ног, он сказал: – Вы, наверное, из этих... современных деловых женщин?

– Нет, я служу в государственном учреждении! – несказанно удивившись такой оценке, воскликнула она.

– Вот как? – Его сведенные брови выразили недоверие.

– Но не в министерстве сельского хозяйства и рыболовства! – раздраженно добавила она. Все эти разглядывания и подозрения ее порядком достали. – Я здесь не для того, чтобы уличить вас в превышении квот, установленных Европейским экономическим союзом! У меня отпуск. Довольны теперь?

Она уж было решила, что сейчас он скажет что-нибудь такое, от чего уши в трубочку свернутся, но он вдруг улыбнулся.

– Извините, я не хотел показаться невежливым. Где вы работаете, меня не касается. Хотя я был бы не против, если бы касалось, – добавил он.

Мерedit смутилась. Это неожиданное проявление неуклюжей деревенской галантности заставило ее замолчать гораздо более эффективно, чем это сделал бы дерзкий, грубый ответ.

– Ну, по сравнению с Лондоном Бамфорд вам покажется просто пустыней! – продолжал он.

– Сомневаюсь! – почти придя в себя, сухо ответила Мерedit.

– О да, как же, как же! Бамфорд же у нас пуп земли. – Оказалось, он тоже был способен на иронию.

Мерedit никак не могла уследить за резкими сменами эмоций в его речи и привыкнуть к странной прямооте его взгляда.

– Я не в первый раз в Бамфорде. Даже как-то жила здесь – правда, очень недолго.

– Правда? Наверное, часто думали, как бы убраться отсюда подальше?

Она не могла понять, шутит он или язвит.

– Мне Бамфорд очень нравится, но, к сожалению, отсюда очень трудно ездить каждый день в Лондон и обратно.

– Понимаю. Ну что ж, приятного вам визита в Бамфорд!

Он подозвал свою разбойничью собаку и пошел прочь.

Его курчавые подопечные, воспользовавшись остановкой, разбрелись кто куда и начали объедать траву на обочине, но пес скоро собрал их вместе. Не забыл он и отбившуюся овцу – перепрыгнул через стену и вернул ее. Мерedit стало жаль овец, которым приходилось терпеть присутствие этого вызывающего трепет пса. Однако, судя по тому, как этот четырехлапый пастух слушается команд, он очень хорошо выдрессирован и, следовательно, надежен. Вряд ли он за всю жизнь тронул хотя бы одну овцу. Мерedit запустила двигатель. Взглянув в зеркало заднего обзора, она увидела, что к ним подъехала девушка на чалом пони. Всадница остановилась и теперь разговаривала с пастухом. Он протянул свою огромную лапищу и потрепал пони по холке. Вся эта сцена, включающая в себя овец, пони, светловолосую девушку, рыжеволосого пастуха и покрытые молодой зеленью кусты, казалась картиной, изображающей деревенскую идиллию. Даже хвостатый Юрайя Хип в этот момент не портил общего впечатления. Возможно, она ошиблась, подумав, что на лице мужчины появилось выражение тоски, когда она упомянула о Лондоне. И в любом случае такому, как он, гораздо больше подходит сельская жизнь, чем городская.

– Я никогда еще не навещала тебя в твоём логове!

У входа она спросила, как найти старшего инспектора Маркби, и теперь поднималась по лестнице в сопровождении констебля. Алан же сбежал вниз, чтобы встретить ее. Они улыбнулись друг другу. Она подумала, что Алан выглядит слегка уставшим. Впрочем, весь его вид

выражал радость от встречи с ней – и она знала, что эта радость совершенно искренняя. Это одновременно льстило и вселяло тревогу.

– Обычно по субботам меня тут днем с огнем не сыщешь. И уж точно я не собираюсь провести здесь все выходные! – решительно сказал он. – Хорошо добралась?

Они опять улыбнулись и оба отвели глаза, будто боялись, что каждый из них воспримет улыбку за нечто большее, чем просто знак дружбы.

– Я подумал: дай-ка я приду в субботу и попробую разделаться с бумажной работой, чтобы у меня было больше свободного времени на неделе. Но тут мне позвонили и попросили о встрече. Эта женщина сейчас здесь, но она скоро уйдет, а потом я отыщу Лорин ключ и провожу тебя до ее дома. Идет? Познакомить тебя с моей посетительницей? Держу пари, она тебе понравится.

Они преодолели оставшийся пролет лестницы и вошли в кабинет Маркби. Навстречу им поднялась пожилая леди в широкой твидовой юбке с «ковригой» на голове. Она уже собиралась уходить.

– Алан, я и не думала, что отниму у тебя столько времени! – сказала она громким голосом, явно предназначенным для открытых просторов, а не для тесных кабинетов.

– Ничего страшного! Вы поступили совершенно правильно, решив прийти ко мне и все рассказать. Хочу познакомить вас с Лориной подругой... и моей... Мередит Митчелл. Она приехала присмотреть за домом Лоры – все семейство отправилось в отпуск. Мередит, это миссис Кармоди, владелица фермы Уитчетт.

– Очень приятно с вами познакомиться, моя дорогая! – Миссис Кармоди одарила Мередит пронизательным взглядом и улыбнулась. – Вы должны как-нибудь заглянуть ко мне на ферму – если Алан будет работать, а вы не найдете занятия получше. Я напою вас чаем.

– Спасибо, обязательно загляну, – сказала Мередит.

– А я заеду к вам сегодня в течение дня, – сказал Алан, – и посмотрю. Не передвигайте там ничего, хорошо?

– Разумеется! Я там совершенно ничего не трогала. Оставила все так, как нашла утром. – Она на секунду замолчала. – Не подумай, что я навязываюсь, но раз уж ты все равно собираешься ко мне, почему бы тебе не взять с собой мисс Митчелл? Ты все осмотришь, а потом мы попьем чаю.

– Ну... – Он посмотрел на Мередит вопросительным взглядом.

– Это очень мило с вашей стороны, – сказала Мередит. Она слегка растерялась, так как не знала, какого ответа ждет от нее Алан, – тут все... э... зависит от Алана. Если это рабочий визит, то...

– А как ты смотришь на то, чтобы поехать на ферму раньше меня? – вдруг сказал Маркби. – Сразу после ленча? А я подъеду чуть позже, когда закончу здесь все дела, – и миссис Кармоди угостит нас чаем с изумительными пирогами – вы ведь знаете, Долли, что я всегда имел слабость к вашей выпечке.

Так и решили. Миссис Кармоди объяснила Мередит, как добраться до фермы Уитчетт, и удалилась. Маркби нашел ключи от дома Лоры, и они спустились вниз.

– Вернусь после ленча! – сказал Маркби дежурному.

– А что там случилось на этой ферме? – спросила Мередит, когда они в ее машине ехали к Лориному дому.

– Я расскажу за ленчем. Пол сказал, что наготовил целый холодильник еды, и все, что от нас... от тебя... требуется, – это выбрать, что понравится, и поставить это в микроволновку.

– Он явно помнит, что кухарка из меня никудышная!

– Они – Лора и Пол – очень благодарны тебе за то, что ты нашла возможность приехать и присмотреть за домом. И я тоже – ну то есть, если бы не ты, мне бы пришлось регулярно наведываться сюда, следить за делом. А я недавно построил у себя теплицу, и теперь все мое

свободное время уходит на нее. Я бы очень хотел, чтобы ты как-нибудь выбралась ко мне в гости и поглядела на нее... на теплицу.

– С удовольствием. А что ты в ней выращиваешь?

– Предположительно, помидоры. Думаю в следующем году посадить огурцы, а потом, возможно, виноград. Ну и цветы, естественно.

В его глаза закралось мечтательное выражение. Мередит подавила улыбку.

Она хорошо помнила дом семейства Данби, и ей было очень приятно снова увидеть его. Особняк из красного кирпича, построенный в тридцатых годах двадцатого века, с опрятным скромным палисадником, в котором, за живой лавровой изгородью, росли гортензии и другие несовременные цветы. В саду, вид на который открывался из кухонных окон, присутствовали качели и песочница. Песочница была предусмотрительно прикрыта крышкой, чтобы ее не облюбовали кошки. В дворике-патио, обустроенном сравнительно недавно, стоял стол, садовые стулья и скамейки и выложенный из кирпича очаг для барбекю.

«Настоящий семейный дом, а не просто бездушное здание», – подумала Мередит. Поначалу ее слегка пугала мысль, что она будет нести ответственность за этот дом все следующие десять дней, но теперь, приехав сюда, почувствовала, что дом дружелюбен по отношению к ней и рад принять ее в свои стены. По дороге в кухню она увидела сквозь приоткрытую дверь кусочек гостиной. Там стояли обтянутые кретоном кресла. По стенам – без всякой системы, где группами, где поодиночке – висели выполненные акварелью морские пейзажи – коллекция Пола Данби. Практически все горизонтальные поверхности были уставлены фотографиями детей в различных стадиях взросления. В углу стояли пяльцы с наполовину законченной работой, которую вышивала Лора.

В кухне их ждал особенный сюрприз, показывающий теплую гостеприимность этого дома, в виде стоящей на столе большой вазы весенних цветов, рядом с которой лежало письмо от Лоры. Пока Мередит любовалась пурпурными ирисами, желтыми нарциссами, капскими ландышами, двух оттенков розового и алыми тюльпанами, Маркби открывал все подряд ящики и дверцы в поисках тарелок, чашек, ножей и вилок. Мередит с трудом оторвалась от букета и обратила мысли к предстоящей трапезе.

Пол и правда забил холодильник едой – под самую завязку. Перед их глазами возвышались аккуратные стопки серебряных кирпичей.

– Китайская стена! – восхищенно произнесла Мередит. – Китайская стена кулинарных изысков! Я тут у вас точно потолстею. Что будем есть?

– Да мне все равно. Что вот в этом лотке?

– Не знаю. Этикетка отклеилась... – Мередит взяла в руки другой завернутый в фольгу кирпич. – И здесь тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.